

С первого взгляда

Автор:

Николас Спаркс

С первого взгляда

Николас Спаркс

Джереми Марш #2Романтика любви

Известный журналист Джереми Марш долгие годы считал, что не способен любить, пока в его жизнь не вошла Лекси Дарнелл.

Теперь Джереми счастлив и думает, что это счастье незыблемо.

Однако внезапно все меняется...

Он узнает, что в прошлом его возлюбленной скрыто немало тайн. Более того, Марша засыпает письмами загадочный незнакомец, утверждающий, что Лекси его обманывает.

Можно ли продолжать любить женщину, не доверяя ей?

И можно ли сохранить любовь вопреки всем препятствиям?

Николас Спаркс

С первого взгляда

Эта книга посвящается Майлзу, Райану, Лэндону, Лекси и Саванне

Nicholas Sparks

AT FIRST SIGHT

Печатается с разрешения Willow Holdings, Inc. и литературных агентств The Park Literary Group LLC и Andrew Nurnberg.

© Nicholas Sparks, 2005

© Перевод. В. Сергеева, 2008

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

От автора

Хочу поблагодарить свою жену Кейти, которая не только вдохновила меня на создание образа Лекси, но и выказала необычайное терпение, пока я писал. Каждый день просыпаюсь и думаю о том, как мне повезло, что Кейти стала моей женой.

Благодарю своих детей – Майлза, Райана, Лэндона, Лекси и Саванну, – которые не позволяют мне забывать о том, что я не только писатель, но в первую очередь отец.

Спасибо моему агенту Терезе Парк, которая терпеливо выслушивает меня в любое время дня и ночи. Но главное – она всегда прекрасно знает, что сказать, когда дело не ладится. Я счастлив работать с ней.

Мой издатель Джейми Рааб вновь заслужила глубочайшую признательность. Она не только умна, но и обаятельна – без нее я бы никогда не написал эту книгу.

Ларри Киршбаум, глава «Тайм уорнер бук групп», уже не с нами, но я не могу расстаться с ним без благодарственного слова. Понимаю, решение было нелегким, но, разумеется, ты знал, что делаешь. Работать с тобой – большая честь. Желаю всего наилучшего, какое бы будущее тебя ни ожидало.

Сотрудничество с Морин Иджин из «Тайм уорнер бук групп» также доставило мне много радости. Я с удовольствием вспоминаю каждую минуту, что мы провели вместе.

Дениза Ди Нови, моя покровительница в Голливуде, – ты настоящее сокровище.

Хауи Сандерс и Дейв Парк, мои агенты, – я благодарен за то, что мне довелось работать с вами.

Дженнифер Романелло и Эдна Фарли – вы изумительны. Благодаря вам я все еще в состоянии встречаться с читателями.

Линн Гаррис и Марк Джонсон, вдохновители «Дневника памяти», – вы навсегда останетесь моими друзьями.

Скотт Шваймер, мой поверенный, – он обладает не только добрым сердцем, но и удивительной способностью добиваться достойных контрактов.

Флэг, который рисует обложки, Харви-Джейн Коуэл, издатель, Шеннон О'Киф, Шарон Крассни и Джули Бейрер – я благодарен всем вам.

Я бы хотел сказать спасибо еще нескольким людям. Прежде всего доктору Робу Паттерсону, который рассказал мне про синдром амниотических перетяжек. Если я не наделал ошибок, это его заслуга; все промахи – исключительно моя вина. Спасибо Тодду Эдвардсу, который спас роман, когда у меня сломался компьютер. Все, что я могу сказать, – хорошо, что в ту минуту ты был рядом.

И наконец, хочу поблагодарить Дейва Симпсона, Филемона Грэя, Слэйда Трабакко и ребят из нью-бернской старшей школы, встречи с которыми принесли мне столько удовольствия. Вы сделали все, что могли.

Пролог

Февраль 2005 года

Бывает ли любовь с первого взгляда?

Сидя в гостиной, он в сотый раз размышлял над этим вопросом. Солнце уже давно зашло, за окном виднелась лишь пелена тумана. Не считая постукивания ветки по стеклу, стояла тишина. Мужчина был не один. Поднявшись с кушетки, он отправился в спальню, чтобы взглянуть на дочь. Там он подумал, не устроиться ли рядом с ней, – предлог для того, чтобы закрыть глаза. Отдых – это хорошо, но мужчина боялся сразу же заснуть. Девочка пошевелилась во сне. Глядя на нее, он мысленно оказался в прошлом, снова перебирая в памяти тот путь, который свел их. Кем он был тогда? И кто он сейчас? Как будто простые вопросы. Его зовут Джереми, ему сорок два года. Сын фермера-ирландца и итальянки, зарабатывает на жизнь написанием статей. Именно так он говорил себе, если его спрашивали. Хотя это было правдой, иногда Джереми задумывался, стоит ли пускаться в подробности. Нужно ли, например, упоминать, что пять лет назад он приехал в Северную Каролину, надеясь разгадать некую тайну? Что там он влюбился? Красота воспоминаний была неразрывно связана со скорбью, и он до сих пор задавался вопросом, какое чувство в итоге победит.

Джереми вернулся в гостиную. Хотя он давно не задумывался об этих событиях, полностью выбросить их из головы он также не мог. Удалить главу своей жизни не проще, чем изменить дату рождения. Бывали времена, когда ему хотелось вернуться в прошлое и все исправить, но потом он понимал: вместе с печалью исчезнет и радость. А этого он совсем не хотел.

Чаще всего Джереми вспоминал ночь, проведенную с Лекси на кладбище, – ночь, когда он увидел призрачные огни, ради которых приехал из Нью-Йорка. Именно тогда он впервые осознал, как много она для него значит. Лекси рассказала ему свою историю. Она осиротела в раннем детстве. Джереми понятия не имел, что через несколько лет после смерти родителей ее начали мучить ночные кошмары. Ужасные, повторяющиеся сны, в которых она видела гибель отца и матери. Бабушка Дорис, не зная, чем еще помочь, отвела девочку на кладбище, чтобы та увидела загадочные огни. Они показались ребенку чудесными,

сверхъестественными. Лекси решила, что это души ее родителей. Ей было нужно нечто, во что она могла бы поверить, и с тех пор кошмары больше ее не преследовали.

Джереми был тронут историей о силе детской веры. Но тем же вечером, увидев огни, он спросил у Лекси: что это такое, на ее взгляд? Она наклонилась к нему и прошептала: «Это были мои родители. Наверное, они хотели увидеть вас».

Ему захотелось заключить Лекси в объятия. Именно в ту минуту Джереми влюбился в нее – и с тех пор не мог думать о другой.

На улице вновь поднялся февральский ветер. В непроницаемой темноте ничего не было видно; с тяжелым вздохом Джереми прилег на кушетку, чувствуя себя так, будто вернулся в прошлое. Он мог отогнать эти воспоминания, но стоило уставиться в потолок, как они возвращались. Джереми всегда позволял им возвращаться.

Вот что случилось потом.

Глава 1

Пятью годами ранее. Нью-Йорк, 2000 год

– Видишь, все просто, – сказал Элвин. – Сначала ты знакомишься с хорошей девушкой, потом вы некоторое время встречаетесь, чтобы выяснить, насколько подходите друг другу. Вы убеждаетесь, что у вас много общего – ну, вроде, «такова наша жизнь, и мы пойдем по ней вместе». Вы решаете, чьих родственников будете навещать по выходным, хотите ли поселиться в квартире или в собственном доме, завести кошку или собаку, кто первым пойдет в душ утром, и так далее. Если у вас действительно много общего, вы женитесь. Ты меня слушаешь?

– Слушаю, – отозвался Джереми.

Этот разговор происходил дома у Джереми Марша, в Верхнем Уэст-Сайде, прохладным субботним утром. Джереми и Элвин уже несколько часов собирали вещи, повсюду были расставлены коробки: одни стояли у двери в ожидании той минуты, когда их отнесут в машину; другие еще предстояло упаковать. Выглядело все так, словно в дом ворвался тасманский дьявол, устроил дебош и удалился, перевернув вверх дном все, что мог. Джереми диву давался, видя, сколько баракла у него скопилось за годы – его невеста, Лекси Дарнелл, все утро только об этом и говорила. Минут двадцать назад, в отчаянии всплеснув руками, она отправилась на ленч с матерью Джереми, впервые за весь день оставив мужчин одних.

– Объясни мне, ради всего святого, что ты творишь? – потребовал Элвин.

– Именно то, что ты и сказал.

– Нет. Ты сделал все наоборот: принял важное решение, не выяснив прежде, действительно ли вы подходите друг другу. Ты едва знаешь Лекси!

Джереми освободил очередной ящик комода, мысленно умоляя Бога, чтобы Элвин сменил тему.

– Я ее хорошо знаю.

Элвин начал рыться в бумагах на столе, затем сунул всю пачку в ту же самую коробку, которую укладывал Джереми. На правах лучшего друга он считал себя вправе выражаться без обиняков.

– Я просто пытаюсь быть честным. Ты прекрасно понимаешь, что я говорю то, о чем думают в последнее время все твои родственники. Так или иначе, ты знаешь Лекси недостаточно хорошо для того, чтобы переехать к ней, не говоря уже о свадьбе. Вы вместе всего неделю. С Марией у тебя было совсем иначе. – Мария была первой женой Джереми. – Учти, я знал Марию куда лучше, чем ты знаешь Лекси, но мне и в голову не приходило, что этого достаточно, чтобы, предположим, жениться.

Джереми вынул из коробки бумаги и положил их обратно на стол. Он вспомнил, что Элвин познакомился с Марией раньше него и до сих пор дружит с его бывшей женой.

– И что?

– Как что? А если я приду и скажу: знаешь, я встретил замечательную женщину, поэтому бросаю работу, оставляю друзей и родных и еду далеко на юг, чтобы жениться... например, на той девчонке, как ее... Рейчел?

Рейчел работала в ресторане у Дорис; Элвин познакомился с ней во время своего короткого пребывания в Бун-Крике и зашел так далеко, что даже пригласил подружку в Нью-Йорк.

– Я бы порадовался за тебя.

– Ой, умоляю!.. Помнишь, что ты сказал, когда я собирался жениться на Еве?

– Помню. Но это другое дело.

– Ну конечно. Потому что якобы ты готов к браку, а я нет!

– Плюс тот факт, что Ева не из тех женщин, на которых стоит жениться.

Элвин признал, что это правда. Лекси была библиотекарем, жила далеко на Юге и надеялась однажды завести семью, а Ева работала в тату-салоне в Джерси. Именно она сделала Элвину большую часть татуировок, не считая пирсинга, и в итоге он стал выглядеть так, будто недавно вышел из тюрьмы. Все это, впрочем, не смущало Элвина. Их отношения были недолгими, поскольку Ева не удосужилась предупредить, что у нее уже есть постоянный парень.

– Даже Мария считает, что это безумие.

– Ты ей рассказал?

– Разумеется. Мы обо всем разговариваем.

– Счастлив, что ты настолько близок с моей бывшей женой. Но это не твое дело. И не ее.

– Я просто пытаюсь тебя образумить. Ты слишком торопишься. Ты не знаешь Лекси.

– Почему ты все время это повторяешь?

– И буду повторять, пока ты не признаешь, что вы друг другу чужие.

Элвин, как и пятеро старших братьев Джереми, не умел менять тему – точно так же, как собака никогда не бросит кость.

– Мы не посторонние.

– Нет? Тогда как ее второе имя?

– Что?

– Назови мне второе имя Лекси.

Джереми моргнул.

– Какое это имеет отношение к...

– Никакого. Но если ты собрался жениться, то, вероятно, должен знать ответ на этот вопрос.

Джереми вдруг понял, что ему нечего возразить другу. Лекси никогда не говорила, а он не спрашивал. Элвин словно почувствовал, что задел его за живое, и продолжал:

– Ну хорошо, а как насчет других серьезных проблем? Какой был ее любимый предмет в колледже? Как звали ее подруг? Какой ее любимый цвет? Фильм? Ток-шоу? Писатель? Ты хотя бы знаешь, сколько ей лет?

– Чуть за тридцать, – отозвался Джереми.

– За тридцать? Я так и знал.

– Почти уверен, что тридцать один.

– «Почти уверен»? Ты хоть представляешь, что за чушь несешь? Нельзя жениться, если даже не знаешь, сколько невесте лет!

Джерemi открыл следующий ящик и высыпал все в коробку; он понимал, что Элвин прав, но не желал это признавать. Он глубоко вздохнул.

– А я думал, ты рад, что я наконец кого-то нашел, – сказал он.

– Я рад! Но я понятия не имел, что ты и впрямь собираешься уезжать из Нью-Йорка и жениться на Лекси! Я думал, ты просто шутишь. Конечно, она замечательная женщина. Так и есть. Если ты не изменишь своего мнения о ней через пару лет, я сам притащу тебя к алтарю. Но ты торопишься без всяких на то причин.

Джерemi отвернулся к окну. За стеклом маячила серая, покрытая копотью кирпичная стена дома напротив. Там двигались смутные тени: женщина говорила по телефону, мужчина шагнул в ванную комнату, завернувшись в полотенце. Еще одна женщина гладила белье и смотрела телевизор. Джерemi прожил здесь столько времени, но едва ли обменялся с этими людьми парой слов.

– Она беременна, – наконец сказал он.

Сначала Элвин решил, что ослышался. Но потом он увидел выражение лица Джерemi и понял: друг не шутит.

– Беременна?

– У нее будет ребенок.

Элвин плюхнулся на кровать, как будто у него внезапно отказали ноги.

– Почему ты сразу не сказал?

Джереми пожал плечами:

– Она попросила пока никому не говорить. Так что держи язык за зубами, ладно?

– Ладно. – Элвин явно был в шоке.

– И еще кое-что...

Элвин взглянул на него. Джереми положил руку ему на плечо.

– Я хочу, чтоб ты был моим шафером.

Как все произошло?

На следующий день, бродя с Лекси по магазину игрушек, Джереми по-прежнему не мог найти ответа на этот вопрос. Речь шла не о беременности – ту ночь он и так запомнил на всю жизнь. Хотя в разговоре с Элвином Джереми держался смело, иногда ему казалось, что он играет роль в какой-то слезливой романтической пьесе, где возможно буквально все и ничего не ясно вплоть до самого финала.

То, что случилось с ним, – не совсем обычно. Точнее, такого вообще почти не бывает. Кто отправится в маленький городок, чтобы написать статью для «Сайентифик американ», познакомится с тамошней библиотечаршей и по уши влюбится за считанные дни? Кто решит отказаться от работы на телевидении и жизни в Нью-Йорке, чтобы уехать в Бун-Крик – городок размером с крошечную точку на карте?!

И так далее.

Не то чтобы Джереми сомневался в том, что он собирался сделать. Наблюдая за тем, как Лекси рассматривает ряды Барби и игрушечных солдатиков (она хотела купить подарки его многочисленным племянникам и племянницам в надежде произвести приятное впечатление), он еще более утвердился в своем решении. Джереми улыбнулся, представив себе, какая жизнь его ждет. Тихие ужины, романтические прогулки, уютное сидение перед телевизором. Вещи, ради

которых стоит жить. Он не был настолько наивен, чтобы полагать, будто они обойдутся без ссор, но не сомневался, что им удастся успешно преодолеть бурные воды и в конце концов осознать, что они – идеальная пара.

Лекси, погруженная в свои мысли, слегка подтолкнула Джереми, и он поймал себя на том, что уставился на парочку, которая стояла в отделе мягких игрушек. Честно говоря, этих двоих трудно было не заметить – обоим чуть за тридцать, хорошо одетые, мужчина похож на банкира или адвоката, а жена явно из тех, что проводит каждый вечер в «Блумингдейле». Они тащили с полдюжину набитых пакетов; бриллиант у нее на пальце был размером с мраморный шарик – куда крупнее, чем на том обручальном кольце, которое Джереми только что купил для Лекси. Наблюдая за ними, Джереми не сомневался, что обычно они берут с собой в магазин няню – потому что сейчас, судя по всему, оба понятия не имели, что делать.

Ребенок в коляске вопил так оглушительно, что едва ли не трескались стекла, а прочие покупатели то и дело вздрагивали. Вдруг его старший брат, лет четырех, тоже завизжал, даже еще громче, а потом повалился на пол. На лицах родителей появилось выражение ужаса, точь-в-точь как у солдат под обстрелом. Было нетрудно заметить мешки у них под глазами и полупрозрачную бледность кожи. Невзирая на внешнюю непроницаемость, они явно были на пределе. Мать наконец вынула малыша из коляски и прижала к себе, а муж наклонился к ней и похлопал ребенка по спине.

– Ты не видишь, что я пытаюсь ее успокоить? – рявкнула жена. – Займись Элиотом!

Мужчина нагнулся к сыну, который катался по полу в истерике.

– Немедленно прекрати орать! – строго произнес он, грозя пальцем.

Ну да, подумал Джереми. Как будто это поможет.

Элиот тем временем продолжал корчиться.

Даже Лекси перестала осматривать полки и обратила на них внимание. Джереми подумал: это все равно что наблюдать, как женщина в бикини подстригает лужайку, – зрелище, которое невозможно пропустить. Младенец вопил, Элиот

тоже, жена орала на мужа, требуя что-нибудь сделать, а тот кричал, что и так старается изо всех сил.

Счастливую семью кольцом окружили зеваки. Женщины смотрели на бедолаг с жалостью и облегчением: они благодарили Бога за то, что это происходит не с ними, и в то же время прекрасно понимали, что именно испытывает злополучная чета. Мужчины, наоборот, старались держаться подальше от источника шума.

Элиот бился головой об пол и ревел все громче.

– Идем же! – наконец приказала мать.

– Именно это я и собираюсь сделать! – огрызнулся отец.

– Подними его!

– Я пытаюсь, черт возьми!

Элиот не проявлял к отцу никакого сочувствия. Когда мужчина наконец ухватил его, мальчик принялся извиваться, как змея. Голова моталась из стороны в сторону, ноги так и мелькали в воздухе. На лбу отца выступили капли пота – Элиот как будто потяжелел, раздувшись от гнева.

Каким-то чудом они наконец тронулись вперед, нагруженные покупками, с коляской и двумя детьми. Толпа расступилась, точь-в-точь как воды Красного моря, когда к ним приблизился Моисей, и злополучное семейство скрылось из глаз – лишь затихающие детские вопли свидетельствовали, что они еще неподалеку.

Толпа начала рассасываться. Джереми и Лекси застыли на месте как зачарованные.

– Бедняги, – сказал Джереми, внезапно задавшись вопросом, не станет ли его жизнь точно такой же через пару лет.

– Не то слово, – отозвалась Лекси. Видимо, она тоже испугалась.

Джереми смотрел в пространство, пока плач не затих; семья, должно быть, вышла из магазина.

– Наш ребенок никогда не будет закатывать истерик, – заявил он.

– Никогда. – Сознательно или нет, Лекси положила руку на живот. – Это просто ненормально.

– А родители, кажется, совсем растерялись, – продолжал Джереми. – Ты слышала, как он говорил с сыном?

– Кошмар. – Лекси кивнула. – А как они кричали друг на друга? Дети всегда чувствуют напряжение. Неудивительно, что родители не могут их контролировать.

– Похоже, они не знают, что делать.

– Это уж точно.

– Но почему?

– Может, они слишком заняты собой, чтобы проводить время с детьми.

Джереми, по-прежнему не трогаясь с места, наблюдал за тем, как рассеивается толпа.

– Это просто ненормально, – повторил он.

– Совершенно согласна.

* * *

Итак, они обманывали себя. В глубине души и Джереми и Лекси это знали, но было проще делать вид, что они никогда не столкнутся с подобной ситуацией. Потому что они лучше подготовятся. Будут внимательнее к детям. Добрее и терпеливее. Нежнее.

Их девочка... она расцветет в том окружении, которое создадут для нее отец и мать. Только так. В младенчестве она будет спокойно спать всю ночь. Когда подрастет, то примется изумлять их сообразительностью и не по годам развитой моторикой. Она триумфально минует все ловушки подросткового возраста, ни разу не помыслив ни о наркотиках, ни о запретных фильмах. Когда придет время покинуть отчий дом, будет вежливой, воспитанной и достаточно умной для того, чтобы поступить в Гарвард. Она станет чемпионкой Америки по плаванию и при этом найдет время, чтобы летом поработать в какой-нибудь благотворительной организации.

Джереми ссутулился. Несмотря на полное отсутствие родительского опыта, он понимал, что все не так просто. Кроме того, он изрядно опережал события.

Через час они сидели в такси, зажатые в пробке, по пути в Квинс. Лекси листала свежеекупленный справочник под названием «Чего ожидать, когда ты в положении», Джереми смотрел в окно. Это была их последняя ночь в Нью-Йорке – он вез Лекси к своим родителям, которые затеяли небольшую вечеринку у себя дома. «Небольшую», конечно, неточное слово: пять братьев с женами, девятнадцать племянников и племянниц – следовательно, дом будет битком набит, как всегда. Пусть даже Джереми с нетерпением ждал вечера, он никак не мог забыть виденную в магазине семью. Эти люди выглядели вполне... нормально. Не считая усталости, разумеется. Он задумался: неужели они с Лекси станут такими же? Или судьба их пощадит?

Может быть, Элвин прав. Во всяком случае, отчасти. Пусть Джереми обожал Лекси – и был в этом уверен, иначе не сделал бы ей предложение, – он действительно плохо ее знал. У них просто не было времени, чтобы узнать друг друга. Чем больше Джереми об этом думал, тем сильнее убеждался, как было бы хорошо, если бы им с Лекси выпал шанс некоторое время пожить просто так. Он уже был женат и знал, сколько времени требуется на то, чтобы приладиться к партнеру и привыкнуть к его привычкам, странностям. Причуды есть у всех, но пока ты не узнаешь человека как следует, его заскоки остаются тайной. Интересно, каковы причуды Лекси? А вдруг она надевает на ночь зеленую маску, которая якобы предотвращает появление морщин? Будет ли он счастлив наблюдать это зрелище каждое утро?

– О чем ты думаешь? – поинтересовалась Лекси.

– А?

– Я спросила, о чем ты думаешь? У тебя забавное выражение лица.

– Так, ни о чем.

Она взглянула на него.

– Ни о чем или совсем-совсем ни о чем?

Джереми нахмурился:

– Как твое второе имя?

В течение нескольких минут Джереми задавал те же вопросы, что и Элвин, и узнал следующее: ее второе имя Марин, в колледже она специализировалась по английскому языку, ее лучшую подругу звали Сьюзен, любимый цвет – фиолетовый, любимый автор – Джейн Остен, и 13 сентября ей исполнится тридцать два.

Вот так.

Он удовлетворенно откинулся на спинку сиденья, а Лекси продолжала листать книгу. Она не то чтобы читала ее, как заметил Джереми, а лишь просматривала отдельные абзацы в надежде составить общее впечатление. Интересно, не делала ли она то же самое, когда училась в колледже?

Как и сказал Элвин, в Лекси было многое, чего Джереми не знал. И в то же время кое-что было ему известно. Единственный ребенок в семье, родом из Бун-Крика, штат Северная Каролина. Родители погибли в автомобильной катастрофе, когда Лекси была маленькой. Девочку вырастили бабушка и дедушка – Дорис и... Джереми отметил про себя, что нужно узнать имя дедушки. Потом она поступила в университет Северной Каролины, уехала в Чепл-Хилл, влюбилась в парня по имени Эйвери и прожила год в Нью-Йорке, где работала в библиотеке. В конце концов Эйвери ей изменил, так что Лекси вернулась домой и стала по примеру своей матери главным библиотекарем в Бун-Крике. Потом у нее был

роман с женщиной, которого впоследствии она называла Мистер Ренессанс, но тот уехал из города, даже не попрощавшись. С тех пор Лекси жила тихо, время от времени ходила на свидания с помощником местного шерифа, пока не появился Джереми. Ах да – Дорис, хозяйка ресторана в Бун-Крике, обладает паранормальными способностями, в том числе умеет предсказывать пол ребенка (именно так Лекси узнала, что у них будет девочка).

Все это, как полагал Джереми, было известно каждому в Бун-Крике. Но знают ли горожане, что Лекси заправляет волосы за уши, когда нервничает? И что она отлично готовит? А когда она нуждается в отдыхе, то скрывается в коттедже неподалеку от маяка на мысе Гаттерас, где поженились ее родители. У нее темно-синие глаза, овальное лицо и темные волосы. Лекси умна и красива. Она запросто разгадала его неуклюжие попытки очаровать ее. Джереми понравилось то, что Лекси не позволила ему увильнуть и высказалась открыто и смело. Каким-то образом она проделывала такого рода дела, оставаясь обаятельной и женственной, что еще более подчеркивал соблазнительный южный акцент. И потом, Лекси в своих узких джинсах была просто прекрасна. Джереми влюбился по уши.

А что она знает о нем? То, что и положено, наверное. Что он вырос в Квинсе, был младшим из шестерых сыновей в семье ирландца и итальянки, некогда намеревался стать профессором математики, но затем решил, что у него писательский дар, и сделался обозревателем в «Сайентифик американ», специализирующимся на разоблачении чудес и суеверий. Когда-то он был женат на женщине по имени Мария, которая ушла от него после того, как врачи выяснили, что Джереми не способен завести ребенка. Много лет после этого он потратил, прочесывая бары, встречаясь с бесчисленными партнершами и пытаясь избегать серьезных отношений, как будто подсознательно понимал, что не сможет стать хорошим мужем. В возрасте тридцати семи лет он отправился в Бун-Крик, чтобы расследовать регулярное появление загадочных огней на городском кладбище и в итоге, возможно, получить место комментатора в программе «Доброе утро, Америка», но затем обнаружил, что большую часть времени думает исключительно о Лекси. Они провели вместе четыре удивительных дня, потом последовала жаркая ссора, Джереми уехал в Нью-Йорк и понял, что не мыслит жизни без нее. Он вернулся, намереваясь доказать это Лекси; в ответ та положила его руку на свой живот и объявила о совершившемся чуде – она забеременела, и у Джереми появился шанс стать отцом. То, что он считал невозможным.

Он улыбнулся, подумав, что это очень хорошая история. Возможно, даже подходящий сюжет для романа.

Дело в том, что Лекси, пытаясь противостоять его чарам, влюбилась в Джереми. Смотря на нее, он пытался понять почему. Конечно, он приятный человек, но все-таки что соединяет двух людей? В прошлом он написал бесчисленное множество статей о принципах взаимного влечения, анализировал роль феромонов, дофамина, биологических инстинктов, но все это никоим образом не объясняло его чувств к Лекси и наоборот. Джереми знал лишь, что они каким-то образом сошлись, как будто он всю жизнь шел по дороге, которая неумолимо вела к этой женщине.

Это был романтический, даже поэтический взгляд на вещи, а Джереми никогда не питал склонности к поэзии. Может быть, была и другая причина, по которой он понял, что Лекси ему подходит. Она сделала его восприимчивым к новым идеям и чувствам. Но как бы то ни было, сидя в машине со своей очаровательной невестой, Джереми заранее принимал все, что ожидало их в будущем.

Он взял ее за руку.

В конце концов, так ли это важно, что он бросает Нью-Йорк и отказывается от карьеры, чтобы переехать бог весть куда? Что ему предстоит год, в течение которого нужно устроить свадьбу, обзавестись хозяйством и подготовиться к рождению ребенка?

Насколько тяжело это будет?

Глава 2

Джереми сделал ей предложение на крыше Эмпайр-стейт-билдинг, в День святого Валентина.

Он знал, что это банально, но разве само по себе предложение не банальность? В конце концов, вариантов масса. Можно было предложить Лекси руку и сердце сидя, стоя, на коленях или лежа, во время еды, дома или где-нибудь еще, со

свечами или без, на восходе или на закате – и так далее, включая способы, которые трудно назвать романтическими. Джереми знал, что когда-то и кем-то все это уже было сделано, поэтому не было смысла беспокоиться о том, что Лекси будет разочарована. Конечно, некоторые мужчины из кожи вон лезут – тут тебе и самолеты, и рекламные щиты, и обручальное кольцо, якобы найденное на романтической прогулке. Но он был уверен: Лекси не из тех, кто непременно требует оригинальности. Кроме того, вид на Манхэттен был прекрасен, так что все пункты плана (вручение кольца, объяснение, почему он хочет провести с ней всю жизнь, и так далее), насколько помнил Джереми, были выполнены как нельзя лучше.

Честно говоря, его предложение не то чтобы явилось сюрпризом. Они не обсуждали эту тему заранее, но тот факт, что Джереми собирался переехать в Бун-Крик, плюс несколько разговоров, в которых фигурировало слово «мы», не оставляли никаких сомнений в том, что именно грядет. Например, «купим плетеную колыбель для ребенка и поставим ее в нашей спальне», «мы навестим твоих родителей». Поскольку Джереми и не думал возражать, можно было заключить, что Лекси уже, так сказать, сделала ему предложение сама.

И все же, пусть стопроцентного сюрприза и не получилось, Лекси явно была удивлена. Ее первым побуждением (вслед за тем, как она обняла Джереми и поцеловала его) было позвонить Дорис и поведать ей все новости – разговор с бабушкой длился двадцать минут. Джереми не спорил. Внешне он был спокоен, хотя то, что Лекси согласилась прожить с ним до конца дней, приводило Джереми в восторг.

И вот примерно неделю спустя они сидели в такси и ехали в гости к его родителям. Джереми видел на пальце Лекси кольцо. Обручиться, а не просто встречаться – это важный шаг, который с восторгом предвкушает большинство мужчин, и Джереми не был исключением. Теперь он мог проделывать с Лекси то, что оставалось запретным для всех остальных. Например, целоваться. Он мог склониться к ней прямо сейчас и поцеловать ее. И скорее всего Лекси бы не смутилась. Ей бы, несомненно, понравилось. Попробуй проделать то же самое с посторонней женщиной и увидишь, что получится, подумал Джереми. Эта мысль вселила в него уверенность по поводу принятого решения.

Лекси, впрочем, смотрела в окно и казалась обеспокоенной.

– Что случилось? – спросил Джереми.

– А если я им не понравлюсь?

– Непременно понравишься. Почему бы и нет? И потом, ты уже виделась с моей мамой за ленчем. Кажется, выладили.

– Да, – неуверенно кивнула Лекси.

– Тогда в чем проблема?

– А если они подумают, что я увожу тебя силой? Может, твоя мама просто не хотела меня огорчать, но в глубине души сердится?

– Ничего подобного, – возразил Джереми. – Говорю тебе, не беспокойся. Ведь никто меня не увозит, я уезжаю из Нью-Йорка, потому что предпочитаю быть с тобой, и все это знают. Поверь, они рады. Мама много лет докучала мне разговорами о браке.

Лекси поджала губы и задумалась.

– Ну ладно, – произнесла она. – Но пожалуйста, пока не говори им, что я беременна.

– Почему?

– У них сложится нехорошее впечатление.

– Они ведь все равно узнают.

– Да, но пусть не сегодня, хорошо? Пускай они сначала как следует узнают меня. Пусть привыкнут к мысли о том, что мы поженимся. Иначе будет слишком много сюрпризов для одного вечера. С остальным разберемся позже.

– Как хочешь. – Джереми откинулся на спинку сиденья. – Но учти, беспокоиться не стоит, даже если кто-нибудь обмолвится.

Она моргнула.

– Как это – обмолвится? Только не говори, что ты уже все им рассказал!

Джереми покачал головой:

– Нет, конечно. Но я сказал Элвину.

– Элвину? – побледнев, переспросила Лекси.

– Прости. Не удержался. Но не волнуйся, он обещал держать язык за зубами.

Лекси помедлила, прежде чем кивнуть:

– Ну ладно...

– Больше такого не повторится, – сказал Джереми и взял ее за руку. – Нет никаких поводов для беспокойства.

Она с усилием улыбнулась:

– Легко тебе говорить.

Лекси снова отвернулась к окну. Как будто до сих пор она мало волновалась. Теперь нужно думать еще и об этом. Неужели так трудно сохранить секрет?

Она знала, что Джереми не помышлял о дурном и что Элвин будет помалкивать, но дело было не в том. Джереми, видимо, не понимал, как его родня может воспринять такую новость. Лекси не сомневалась – все они разумные люди (его мать показалась ей довольно милой), которые вряд ли сочтут ее шлюхой, но все-таки сам факт, что они женятся так быстро, способен вызвать изрядное удивление. В этом сомневаться не приходилось. Нужно лишь взглянуть на эту проблему с их точки зрения. Полтора месяца назад они с Джереми еще не были знакомы, а потом как будто угодили в водоворот – и вот уже официально обручились. Потрясающе.

А если они выяснят, что она беременна?

Ну, тогда родственники немедленно решат, что Джереми женится исключительно по этой причине. Когда он скажет, что любит ее, не поверят – просто кивнут и пробормочут: «Очень мило», но едва Джереми и Лекси уйдут, как примутся судачить. Это очень дружная, старомодная семья, которая собирается вместе несколько раз в месяц, – разве Джереми ее не предупреждал? Лекси трудно назвать наивной. О чем беседуют в семье? О радостях и горестях, успехах и неудачах... дружные семьи делятся любыми новостями. Но если Джереми снова проболтается, всем понятно, что произойдет дальше. Родственники примутся говорить не о помолвке, а о ее беременности, и вслух удивляться, о чем он думал. Или, еще хуже, твердить, что Лекси его обманула.

Конечно, она может ошибаться. Может быть, они придут в восторг и сочтут ситуацию абсолютно нормальной. Может, они поверят, что обручение и беременность никак не связаны друг с другом, – ведь так оно и есть. Лекси останется лишь лететь домой на крыльях любви.

Она не хотела проблем с семьей будущего мужа. Как правило, ничего здесь поделать нельзя, но Лекси не собиралась допускать промахов.

Кроме того, Лекси признавала, что на месте родственников Джереми она бы тоже скептически отнеслась к подобному известию. Брак – важное решение для всякой пары, не говоря уже о людях, которые едва знакомы. Хотя мать Джереми не особенно на нее давила, Лекси чувствовала, что та ее оценивает – как это сделала бы всякая хорошая мать. Лекси старалась изо всех сил, и в итоге будущая свекровь обняла ее и расцеловала на прощание.

Лекси решила, что это хороший знак. Удачное начало, во всяком случае. Конечно, потребуется какое-то время, чтобы семья Джереми приняла ее. В отличие от прочих невесток Лекси не будет видеться с новыми родственниками на выходных. Ей назначат своего рода испытательный срок, пока время не покажет, что Джереми сделал правильный выбор. Год или два – может быть, больше. Лекси полагала, что сможет ускорить процесс при помощи писем и регулярных звонков...

«Не забудь, – сказала она себе. – Купи побольше бумаги».

Честно говоря, Лекси сама удивлялась тому, с какой скоростью развивались события. Действительно ли Джереми полюбил ее? А она? Лекси задавала себе эти вопросы по десять раз на дню в течение последних двух недель и каждый раз отвечала на них одинаково. Да, она беременна. Да, она носит его ребенка. Но она не согласилась бы выйти за Джереми, если бы не верила, что они будут счастливы вместе.

Они будут счастливы. Не так ли?

Лекси задумалась: удивляется ли Джереми тому, как быстро все это произошло? Наверное, да. Трудно было бы не удивляться. Но он, кажется, относился ко всему куда спокойнее, чем она. Интересно, почему? Может быть, потому что он уже был женат или потому, что сам инициировал все случившееся в Бун-Крике? Но так или иначе, в том, что касалось их отношений, Джереми всегда держался увереннее, чем Лекси, и это было странно, поскольку именно он провозглашал себя скептиком.

Лекси взглянула на него. Ей нравились его темные волосы и ямочки на щеках. Джереми понравился ей при первой же встрече. Что там сказала Дорис после того, как они познакомились: «Он не тот, за кого себя выдает». Что ж, подумала Лекси, скоро она это выяснит.

Они приехали последними. Лекси все еще нервничала. Подойдя к двери, девушка замерла на верхней ступеньке.

– Ты им понравишься, – уверенно сказал Джереми. – Поверь мне.

– Будь рядом, ладно?

– А где же мне еще быть?

* * *

Все оказалось не так плохо, как думала Лекси. Она более чем владела собой, поэтому, невзирая на обещание держаться поблизости, Джереми вскоре оказался на заднем крыльце – он переминался с ноги на ногу, скрестив руки на

груди, чтобы согреться, и наблюдал за тем, как отец колдует над барбекю. Отец обожал барбекю, и погода была не в силах ему помешать. В детстве Джереми видел, как отец счищает снег с решетки, после чего ныряет в метель, чтобы через полчаса вернуться в дом с обледеневшими бровями и горой жареного мяса.

Хотя Джереми предпочел бы остаться в доме, мать посоветовала ему составить компанию отцу – таким образом она намекала, чтобы он присмотрел за стариком. У того случился сердечный приступ пару лет назад; хотя отец поклялся, что больше не станет простужаться, мать беспокоилась. Она бы сама за ним приглядела, но маленький дом, в который набилось тридцать пять человек, превратился в сущий бедлам. На плите стояли четыре кастрюли, братья Джереми заняли все места в гостиной, а племянников и племянниц приходилось то и дело выгонять из комнаты. Заглянув в стекло, Джереми убедился, что его невеста неплохо держится.

Невеста. В этом слове было нечто странное. Не то чтобы было странно обзавестись невестой – скорее, оно необычно звучало, когда его произносили многочисленные родственницы Джереми (на тот момент это случилось уж никак не меньше сотни раз). Когда они вошли, Лекси еще не успела снять куртку, – к ней бросились София и Энн, и слово «невеста» присутствовало буквально в каждой их реплике.

– Теперь мы наконец познакомимся с твоей невестой!

– Джереми, куда ты сегодня возил свою невесту?

– Джереми, предложи своей невесте что-нибудь выпить!

Братья Джереми, напротив, старательно избегали этого слова.

– Ага, вот и Лекси!

– Лекси не устала от поездки?

– Ну-ка расскажи, как вы с Лекси познакомились!

Видимо, это чисто по-женски, решил Джереми: он, как и его братья, до сих пор избегал слова «невеста». Возможно, об этом стоит написать статью; впрочем, редактор наверняка ее не пропустит под тем предлогом, что тема недостаточно серьезна для «Сайентифик американ». И это говорит человек, который обожает материалы про НЛО и снежного человека! Пусть даже он позволил присылать статьи для журнала из Бун-Крика, Джереми не будет по нему скучать.

Он потер руки; отец тем временем перевернул мясо. Нос и уши у него покраснели от холода.

– Эй, дай-ка тарелку. Твоя мать оставила ее на перилах. Скоро все будет готово.

Джереми взял тарелку и вернулся к отцу.

– Сегодня чертовски холодно, тебе не кажется?

– Ничего подобного. И потом, от углей тепло.

Отец, последний обломок эпохи, по-прежнему пользовался древесным углем. Некогда Джереми подарил ему на Рождество газовый гриль, который пылился в гараже, пока его наконец не забрал брат Том.

Отец принялся выкладывать мясо на тарелку.

– Я, конечно, почти не общался с ней, но, по-моему, Лекси очень милая.

– Так и есть, папа.

– Ты вполне этого достоин. Мария мне никогда особо не нравилась. Буквально с самого начала я чувствовал в ней что-то не то.

– Нужно было меня предупредить.

– Ха!.. Ты бы не стал слушать. Ты ведь всегда все знаешь сам.

– А маме понравилась Лекси? Вчера, за ленчем?

– Да. Хотя вряд ли она будет выражать шумный восторг.

– Это хороший знак?

– От твоей матери – да. Лучший из всех возможных.

Джереми улыбнулся:

– Посоветуешь мне что-нибудь?

Отец отставил тарелку и покачал головой:

– Нет. Ты уже взрослый и сам принимаешь решения. И потом, что я могу сказать? Я прожил в браке почти пятьдесят лет, но до сих пор бывают случаи, когда твоя мать злится, а я понятия не имею почему.

– Ничего себе утешение.

– Привыкнешь. – Отец кашлянул. – Впрочем, один совет я тебе, так и быть, скажу.

– Какой?

– Точнее, два. Во-первых, не принимай близко к сердцу, если Лекси начнет сердиться. Все мы иногда сердимся, поэтому не переживай.

– А во-вторых?

– Звони матери. И почаще. Она плачет каждый день с тех пор, как узнала, что ты уезжаешь. И не перенимай южный акцент, ради Бога. Мать тебе этого не скажет, но иногда она с трудом понимает Лекси.

Джереми засмеялся:

– Обещаю.

* * *

– Все прошло не так уж плохо, а? – спросил он.

Несколько часов спустя они возвращались в «Плаза». Поскольку в квартире царил хаос, Джереми решил потратиться и провести последнюю ночь в отеле.

– Великолепно. У тебя чудесная семья. Теперь понятно, почему ты не хотел уезжать.

– Я по-прежнему буду с ними видеться, ведь мне придется бывать в редакции.

Лекси кивнула. Они въехали в город, и она принялась разглядывать небоскребы, удивляясь тому, какое все большое и шумное. Хотя Лекси некогда жила в Нью-Йорке, она успела забыть здешнюю толпу, непомерную высоту зданий и шум. Отныне им предстоит жить в совершенно непохожем месте. В другом мире. Во всем Бун-Крике, вероятно, меньше людей, чем в одном нью-йоркском небоскребе.

– Ты будешь скучать по большому городу?

Джереми взглянул в окно, прежде чем ответить.

– Немного, – признался он. – Но все, о чем я когда-либо мечтал, – на Юге.

После удивительной ночи в «Плаза» они начали новую жизнь.

Глава 3

На следующее утро, когда лучи света начали пробиваться сквозь жалюзи, Джереми открыл глаза. Лекси спала, лежа на спине; ее темные волосы разметались по подушке. Снаружи доносились слабые звуки улицы: гудки машин и грохот грузовиков, кативших по Пятой авеню.

По мнению Джереми, он не должен был слышать вообще ничего – одному Богу известно, какую сумму пришлось выложить за этот номер со звуконепроницаемыми окнами. И все же он не жаловался. Лекси понравилось все – высокие потолки и классические деревянные панели, тяжелый халат и удобные шлепанцы, мягкая постель и невозмутимый официант, который принес им клубнику в шоколаде и яблочный сидр (они решили заменить им шампанское). Буквально все.

Легонько коснувшись ее волос, Джереми подумал, какая Лекси красивая, когда лежит рядом с ним. Он облегченно вздохнул, осознав, что она не надевает на ночь отвратительную зеленую маску, которую он воображал накануне. Что еще лучше, она не надела бигуди или безобразную пижаму, а еще не застревала на полчаса в ванной, как делают некоторые женщины. Прежде чем забраться в постель, Лекси просто умылась и провела расческой по волосам, а потом свернулась рядом с Джереми – именно так, как ему хотелось.

Вот видите, он многое знает о ней, что бы ни говорил Элвин. Разумеется, пока не все, но на это нужно время. Он лучше узнает Лекси, а она лучше узнает его, понемногу их жизнь войдет в колею. Конечно, будут и некоторые сюрпризы – так всегда бывает, – но в семейной жизни это неизбежно. Со временем Лекси узнает настоящего Джереми – Джереми, которому уже не нужно будет изо всех сил производить на нее впечатление. Рядом с Лекси он может быть самым собой – человеком, который способен бродить по дому в спортивных штанах и есть чипсы перед телевизором.

Джереми сцепил руки за головой, чувствуя внезапное удовлетворение. Лекси полюбит его таким, каков он есть.

Не правда ли?

Он нахмурился, вдруг задумавшись: а знает ли Лекси, что ее ждет? Может быть, открыть ей свое истинное лицо – не такая уж хорошая идея? Не то чтобы Джереми считал себя плохим человеком, но, как и у всех людей, у него были причуды, к которым можно привыкнуть лишь с течением времени. Например, Лекси предстоит узнать, что он всегда оставляет крышку унитаза поднятой. Так было и так будет, но вдруг возникнут проблемы? Джереми помнил, что одной из его подружек это страшно не нравилось. И как Лекси отнесется к тому, что он больше обеспокоен успехами любимой баскетбольной команды, нежели недавней засухой в Африке? Или к тому, что он способен отправить в рот кусок,

который упал на пол? Это его привычки, но если Лекси они не понравятся? Вдруг она сочтет их не просто причудами, а настоящими изъянами личности? А если...

– О чем ты думаешь? – Голос Лекси вмешался в его мысли. – Выглядишь так, будто жука проглотил.

Джереми заметил, что она смотрит на него.

– Сама знаешь, я не идеален.

– О чем ты?

– Просто говорю тебе, что у меня есть свои недостатки.

Лекси, кажется, удивилась.

– Правда? А я думала, ты умеешь ходить по воде.

– Кроме шуток. Я подумал, тебе нужно знать, во что ты ввязываешься, прежде чем вступить в брак.

– На тот случай, если я решу пойти на попятный?

– Вот именно. У меня есть свои причуды.

– Например?

Джереми задумался и решил начать с малого.

– Я оставляю воду включенной, когда чищу зубы. Не знаю почему. И сомневаюсь, что смогу избавиться от этой привычки.

Стараясь сохранять серьезное выражение лица, Лекси кивнула.

– Надеюсь, что как-нибудь это переживу.

– А иногда – просто чтобы ты знала – я долго стою перед открытым холодильником и размышляю, что бы такое съесть. Понимаю, что холодильник от этого портится, но ничего не могу с собой поделать.

Она снова кивнула:

– Ясно. Еще что-нибудь?

ДжерEMI пожал плечами:

– Я не ем сломанное печенье. Если оно остается в пакете, просто выбрасываю. Конечно, это трата продуктов, но я всю жизнь так поступал. Оно на вкус другое.

– Хм, – отозвалась Лекси. – Конечно, мне придется нелегко, но, наверное, я справлюсь.

Он прикусил губу и задумался, стоит ли упомянуть про крышку унитаза. Поскольку для некоторых женщин это стало камнем преткновения, ДжерEMI решил обождать.

– Значит, все это тебя не шокирует?

– Думаю, что нет.

– Правда?

– Абсолютно.

– А если я скажу тебе, что стригу ногти в постели?

– Не испытывай мое терпение, парень.

Он ухмыльнулся и придвинулся ближе.

– Ты любишь меня, хотя я не идеален?

– Конечно, люблю.

Прекрасно, подумал Джереми.

* * *

Когда они добрались до Бун-Крика, на небе показались первые звезды. Джереми подумал, что вокруг ничего не изменилось. Не то чтобы он ожидал перемен – судя по всему, город не менялся последние лет сто. Или триста. Когда они выехали из аэропорта в Роли, по обеим сторонам дороги как будто разворачивались бесконечные декорации к фильму «День сурка». Ветхие домики, голые поля, полуразвалившиеся сараи, купы деревьев – и так миля за милей. Время от времени проезжали какой-нибудь городок, неотличимый от остальных, – вряд ли кто-то и впрямь способен увидеть разницу между Хардисом и Боджанглсом.

Но поскольку рядом сидела Лекси, поездка оказалась не такой уж скверной. Лекси весь день была в хорошем настроении и еще более приободрилась, когда подъехали к дому – «к нашему дому», вдруг подумал Джереми. Последние два часа они обсуждали свое пребывание в Нью-Йорке, но на лице Лекси возникло выражение несомненного удовлетворения, как только они пересекли Памлико, откуда начинался последний отрезок пути.

Джереми вспомнил, что когда он впервые приехал сюда, с трудом нашел нужное место. Единственный поворот, ведущий в город, находился в стороне от шоссе, поэтому он его пропустил и вынужден был съехать на обочину, чтобы взглянуть на карту. Но, оказавшись на главной улице Бун-Крика, он пришел в восторг.

Джереми покачал головой. Он думал о Лекси, а не о городе. Бун-Крик, изящный, старомодный, как и все маленькие города на Юге, был прелестен. По крайней мере на взгляд неискушенного наблюдателя. В свой первый приезд сюда Джереми думал, что Бун-Крик медленно умирает. Несколько небольших кварталов, большая часть магазинов закрыта, полусгнившие вывески облупились, жители один за другим покидают город. Бун-Крик, некогда удивительное место, отчаянно боролся за жизнь с тех пор, как закрылись фосфорная шахта и текстильная фабрика, и Джереми гадал, уцелеет ли он вообще.

Счет был не в пользу города. Но Лекси хотелось жить именно здесь, и этого достаточно. Кроме того, если не думать о том, что скоро Бун-Крик превратится в город-призрак, начинаешь понимать, как он живописен – на южный манер. На слиянии Бун-Крик и Памлико была построена дощатая набережная, с которой можно любоваться парусниками; если верить данным Торговой палаты, весной высаженные по всему городу азалии и кизил «представляют собой какофонию цвета, с которой может соперничать разве что осенняя листва в октябре, подобная океанскому закату» (что бы это ни значило). И потом, кое-кто из жителей весьма оживлял Бун-Крик – по крайней мере так уверяла Лекси. Как и многие провинциалы, она считала всех горожан одной семьей. Про себя Джереми отмечал, что среди членов семьи всегда есть сумасшедшая тетушка, – и Бун-Крик не был исключением. Слову «характер» здешние жители придавали совершенно особое значение.

Джереми миновал кафе «Эй, я тебя люблю!», куда местные обычно заходили после работы, пиццерию и парикмахерскую; за углом, насколько он помнил, стояло массивное здание в готическом стиле, которое служило библиотекой. Там работала Лекси. Когда машина свернула на улицу, ведущую к «Гербсу» – ресторану, которым владела Дорис, – Лекси выпрямилась. Забавно, но именно из-за Дорис Джереми некогда приехал в Бун-Крик. Будучи официальным городским экстрасенсом, бабушка Лекси, несомненно, входила в число вышеупомянутых «характеров».

Даже с расстояния Джереми видел, что «Гербс» ярко освещен. Это здание викторианской постройки заметно возвышалось над своими соседями. Что странно, перед ним стояло много машин.

– А я думал, в «Гербсе» кормят только завтраком и ленчем.

– Ну да.

Памятуя о маленьком «торжестве», которое мэр устроил в честь его предыдущего визита (в числе приглашенных оказался едва ли не весь округ), Джереми так и застыл за рулем.

– Только не говори, что они ждут тебя.

Лекси засмеялась.

– Верить или нет, но мир не вращается исключительно вокруг нас. Просто сегодня третий понедельник месяца.

– И что?

– В этот день собирается городской совет. А потом все играют в бинго.

Джереми хлопнул глазами.

– В бинго?

Лекси кивнула.

– А как еще заманить человека на собрание?

– Ну да. – Джереми задумался. Не стоит высказывать осуждение. Здесь другой мир, вот и все. Какая разница, если никто из твоих знакомых в жизни не играл в бинго?

Заметив выражение его лица, Лекси улыбнулась:

– И не удивляйся. Видишь, сколько машин? Пока не придумали играть в бинго после собрания, никого было не дозваться. А теперь люди получают призы, и все такое.

– Дай-ка подумать: это устроил мэр Геркин?

Она засмеялась.

– А кто же еще?

Мэр Геркин сидел у дальней стены, за двумя сдвинутыми столами. Напротив него расположились двое. Джереми вспомнил, что это члены городского света – худощавый адвокат и тучный врач. С краю, скрестив руки на груди, восседал

хмурый Джед. Джереми еще не доводилось видеть таких великанов. Лицо Джеда было почти полностью скрыто бородой, а на голове красовалась спутанная шапка волос, которая почему-то навела Джереми на мысль о мамонтах. Облик Джеда соответствовал его нраву – этот тип был не только владельцем «Гринлиф коттеджей» (единственной городской гостиницы), но и местным таксидермистом. Джереми неделю ночевал в номере «Гринлиф коттеджей», окруженный чучелами самых разнообразных животных, какие только встречаются в этой части света.

Все остальные теснились вокруг столов, разложив перед собой билеты, и лихорадочно ставили крестики, по мере того как Геркин называл в микрофон номера. Табачный дым висел, как туман, хотя под потолком работали вентиляторы. Большинство собравшихся были в комбинезонах, клетчатых рубашках и бейсболках; Джереми решил, что они отоварились в одном и том же магазине – из серии «любой товар за десять центов». Джереми, с ног до головы одетый в черное (по примеру большинства ньюйоркцев), внезапно понял, как чувствовал себя Джонни Кэш[1 - Джонни Кэш (1932–2003) – известный американский певец, исполнитель песен в стиле кантри, благодаря своему стилю в одежде заслуживший прозвище «Человек в черном». – Здесь и далее примеч. пер.], когда пел кантри на деревенской ярмарке.

Шум стоял такой, что Джереми с трудом различал голос мэра:

– Б-11... Н-26...

С каждым названным номером рев толпы становился все громче. Те, кому не удалось занять место за столом, клали билеты на подоконники. По кругу передавали целые корзины жареных кукурузных хлебцев, как будто горожанам, отчаянно рвущимся к победе, для успокоения нервов непременно требовались углеводы. Лекси и Джереми протиснулись сквозь толпу и заметили Дорис, которая водружала на поднос несколько таких корзинок. Рейчел, местная официантка и любительница пококотничать, пыталась взмахами разогнать сигаретный дым. В отличие от Нью-Йорка в Бун-Крике не воспрещено курение в общественных местах – проще говоря, как можно играть в бинго и при этом не курить?!

– Кажется, я слышу свадебные колокола, – раздался голос мэра. Внезапно шум прекратился. Слышно было только гудение вентиляторов. Все присутствующие обернулись к Лекси и Джереми. Тот в жизни не видел столько курильщиков

сразу. Потом он очнулся, вспомнил, как нужно себя вести, кивнул и помахал рукой. Ему ответили тем же.

– С дороги, дайте пройти! – крикнула Дорис. Люди задвигались, вжимаясь друг в друга. Когда толпа расступилась, Дорис вышла вперед и немедленно заключила внучку в объятия, а потом перевела взгляд с Лекси на Джереми – и снова на Лекси. Джереми заметил, что вся компания сделала то же самое, как будто наравне с ними принимала участие в этом семейном торжестве. Учитывая близость местных жителей друг к другу, так оно и было.

– Черт возьми, – сказала Дорис с отчетливым акцентом уроженки Юга. – А я думала, вы приедете позднее.

Лекси с улыбкой кивнула в сторону Джереми.

– Скажи спасибо этому безумцу. Лимит скорости для него – правило со множеством исключений.

– Молодец, Джереми. – Дорис подмигнула. – Нам о многом нужно поговорить. Я хочу знать, как вы провели время в Нью-Йорке. Хочу знать все. А где же кольцо, о котором ты говорила, Лекси?

Все взгляды устремились на кольцо, когда Лекси вытянула руку. Послышались восхищенные вздохи. Люди начали придвигаться ближе, чтобы разглядеть как следует; Джереми чувствовал, что ему буквально дышат в затылок.

– Классное колечко, – сказал кто-то позади него.

– Ну-ка подыми руку повыше, Лекс, – добавил другой.

– Похоже на те циркониевые штуки, какие я видела по телевизору, – заметила женщина.

Лекси и Дорис как будто впервые почувствовали, что стали центром внимания.

– Ну-ну... концерт окончен, друзья, – объявила Дорис. – Дайте мне побеседовать с внучкой наедине. Нам есть о чем поговорить. Посторонитесь-ка.

Со вздохами разочарования люди попытались отступить, но места не было. Большая часть гостей лишь переминалась с ноги на ногу.

– Пойдем ко мне, – наконец предложила Дорис.

Она взяла Лекси за руку и повела в глубь дома; Джереми старался не отставать. Они вошли в «кабинет» Дорис, расположенный сразу за кухней, и та засыпала внуку вопросами со скоростью пулеметной очереди. Лекси рассказала ей про статую Свободы, Таймс-сквер и, конечно, Эмпайр-стейт-билдинг. Чем быстрее обе тараторили, тем ощутимее становился южный акцент; хотя Джереми пытался не упускать нить беседы, он понимал далеко не все, о чем шла речь. Он разобрал, что Лекси в восторге от его семьи, но слегка обиделся, когда она сказала: «Все было примерно так, как в фильме «Все любят Рэймонда», только увеличенное в десять раз, – куча родственников, и каждый из них по-своему сумасшедший».

– Думаю, это было забавно, – отозвалась Дорис. – Ну-ка дай я получше рассмотрю кольцо.

Лекси снова вытянула руку, сияя, как девчонка. Дорис взглянула на Джереми.

– Сам выбирал?

Тот пожал плечами:

– Ну, мне посоветовали...

– Очень красивое.

В этот момент заглянула Рейчел:

– Привет, Лекс. Привет, Джереми. Простите, что вмешиваюсь, но хлебцы закончились. Может, я начну печь следующую партию?

– Конечно. Подожди... сначала иди сюда и посмотри на кольцо.

Женщины во всем мире обожают рассматривать кольца – едва ли не больше, чем произносить слово «невеста».

Рейчел приблизилась. Темноволосая и стройная, как тростник, она была неизменно привлекательна, хотя и выглядела более усталой, чем обычно. В старшей школе Лекси и Рейчел были лучшими подругами и до сих пор близко общались – в таком маленьком городе иначе просто невозможно, – но все-таки заметно разошлись с тех пор, как Лекси поступила в колледж и уехала. Рейчел принялась изучать кольцо.

– Шикарно, – сказала она. – Поздравляю, Лекс. И тебя, Джереми. Весь город просто с ума сходит с того самого дня, как об этом стало известно.

– Спасибо, Рейч, – ответила Лекси. – Как у тебя дела с Родни?

Родни, помощник местного шерифа и поклонник бодибилдинга, ухаживал за Лекси с тех пор, как они были детьми, и не обрадовался тому, что она предпочла Джереми. Вскоре после этого Родни начал встречаться с Рейчел. Несмотря на это, Джереми был абсолютно уверен: помощник шерифа предпочел бы больше никогда в жизни его не видеть.

Рейчел заметно потускнела.

– Ничего себе...

Лекси взглянула на нее и промолчала. Рейчел отвела со щеки прядку волос.

– Слушай, я бы охотно поболтала, но в зале суший ад. Я понятия не имею, с какой стати вы позволили мэру устраивать здесь собрания. Люди прямо с тормозов слетают, когда дело доходит до бинго. Увидимся, Лекс. Может, я еще загляну.

Когда она ушла, Лекси обернулась к Дорис.

– У нее проблемы?

– Это все Родни... – отозвалась Дорис и махнула рукой. – Пару дней назад они поругались.

– Надеюсь, не из-за меня?

– Нет, конечно, – поспешно подтвердила Дорис, но Джереми не клюнул на эту удочку. Прежнюю любовь нелегко забыть; ссора, видимо, напрямую была связана с новостями о помолвке.

– А вот и вы! – воскликнул мэр Геркин, прервав мысли Джереми. Тучный и лысеющий, в вопросах одежды мэр отличался удивительной раскованностью. Сегодня он нарядился в фиолетовые брюки, желтую рубашку и пестрый галстук. Прирожденный политик, он обладал способностью говорить почти непрерывно. Просто ходячий словесный тайфун.

А Геркин между тем продолжал:

– Прятаться в задней комнате... ну, если бы я вас не знал, то предположил бы, что вы тут строите секретные планы, чтобы сбежать и лишить весь город заслуженного праздника.

Он схватил Джереми за руку и покачал ее вверх-вниз.

– Рад тебя видеть. Очень рад, – сообщил Геркин, как будто внезапно вспомнив о необходимости поздороваться, а затем продолжал: – Я подумываю о том, чтобы устроить церемонию в городском сквере, при свете фонарей, а может быть, прямо в библиотеке. Если все как следует спланировать и хорошенько разрекламировать, то, возможно, удастся залучить к нам самого губернатора. Он мой приятель; если свадьба совпадет с его очередной поездкой... впрочем, предугадать трудно. – Подняв брови, Геркин уставился на Джереми.

Тот откашлялся.

– Мы еще даже не обсуждали свадьбу, но, честно говоря, хотелось бы чего-то менее шумного.

– Менее шумного? Чушь. Вы понимаете, что одна из выдающихся жительниц нашего города выходит замуж за знаменитость?

– Я журналист, а не знаменитость. Наверное, можно обойтись...

– Не нужно скромничать, Джереми. Я так себе это представляю... – Геркин прищурился, как бы всматриваясь вдаль. – Сегодня – статья в «Сайентифик американ», завтра – собственное ток-шоу, которое смотрят зрители по всему миру. Трансляция – отсюда, из Бун-Крика.

– Я сомневаюсь, что...

– Нужно мыслить шире, сынок. Шире, да. Если бы Колумб не мечтал, он никогда бы не открыл Новый Свет. А Рембрандт не взялся бы за кисть.

Он похлопал Джереми по спине, потом наклонился и поцеловал Лекси в щеку.

– А ты еще прекраснее, чем обычно, Лекси. Помолвка тебе на пользу, дорогая.

– Спасибо, Том, – ответила та.

Дорис уже собиралась выпроводить Геркина, когда тот снова обратился к Джереми:

– Ты не против, если мы минутку поговорим о делах? – Ответа мэра не дожидаясь. – Я бы пренебрег своим долгом общественного деятеля, если бы не спросил: а не собираешься ли ты написать что-нибудь о Бун-Крике? То есть теперь ведь ты поселился здесь. По-моему, неплохая идея. И польза для города. Ты знаешь, например, что каждого второго гигантского сома в Северной Каролине выуживают из Бун-Крик? Только подумай... каждого второго. Должно быть, у здешней воды какие-то волшебные свойства.

Джереми не знал, что ответить. Да, редактору такое уж точно понравится! Особенно заголовок: «Живая вода из Бун-Крика». Никаких шансов. Он и так ступил на тонкий лед, когда покинул Нью-Йорк; Джереми подозревал, что если в журнале начнутся сокращения, то он окажется первым претендентом на «вылет». Не то чтобы он нуждался в денежных поступлениях из «Сайентифик» –

большую часть дохода приносили статьи, которые он писал для других газет и журналов, и вдобавок Джереми за все эти годы обратил довольно крупную сумму в ценные бумаги. Денег было более чем достаточно для того, чтобы продержаться какое-то время, но работа в «Сайентифик америкэн» изрядно украшала его послужной список.

– Честно говоря, я уже написал шесть статей вперед. О чем пойдет речь потом, еще не знаю, но про сомов я запомню.

Мэр кивнул:

– Запомни, сынок. В общем, хочу официально поздравить вас обоих с возвращением. Вы не представляете, как я рад, что вы выбрали наш прекрасный город для того, чтобы поселиться здесь насовсем. Однако мне пора в зал. Номера называет Ретт, но если, не дай Бог, ошибется, то разразится скандал. Он ведь едва умеет читать. Одному Господу ведомо, что тут устроят сестры Гаррисон, если решат, что их обманули.

– Мы относимся к бинго очень серьезно, – подтвердила Дорис.

– Истинная правда. Прошу простить, долг зовет.

Быстро развернувшись – что было удивительно при его-то объемах, – Геркин вышел из комнаты; Джереми покачал головой. Дорис выглянула за дверь, чтобы убедиться в отсутствии посторонних, склонилась к внучке и указала на ее живот.

– Как ты себя чувствуешь?

Прислушиваясь, как женщины шепотом обсуждают беременность, Джереми поймал себя на мысли о том, что в рождении и воспитании детей присутствует доля иронии.

Большинство людей прекрасно понимают, какая это ответственность. Наблюдая за своими братьями и невестками, Джереми видел, как менялась их жизнь после появления детей – им уже не удавалось подольше поспать в выходные или

внезапно съездить в ресторан. Но они утверждали, что не возражают, поскольку отцовство и материнство – это акт самоотвержения. Они охотно шли на жертвы ради блага своих отпрысков. И его родственники не были исключением. На Манхэттене Джереми убедился, что подобное поведение порой выходит за грань разумного. Все его знакомые старались отдать ребенка в лучшую школу, найти для него лучшего учителя музыки, отправить в лучший спортивный лагерь – и все в надежде на то, что однажды их детище поступит в один из колледжей «Лиги плюща»[2 - «Лига плюща» – объединение восьми старейших и наиболее привилегированных частных колледжей и университетов, расположенных на северо-востоке США.].

Но разве подобное поведение не сродни эгоизму?

В этом-то и вся ирония, подумал Джереми. В конце концов, заводить детей – не такая уж насущная необходимость. Обычно появление ребенка связано с двумя проблемами: во-первых, это логичный шаг во взаимоотношениях пары, а во-вторых, желание создать миниатюрную копию себя. Ты так уникален, что просто уму непостижимо, как это мир умудряется обходиться тобой в единственном экземпляре. А дальше? Все жертвы, которые завершаются «Лигой плюща»? Джереми был уверен: пятилетний ребенок знает о колледже лишь то, что это почему-то важно маме и папе. Иными словами, большинство родителей пытаются создать не просто копию себя, но улучшенную копию. Никто не хочет тридцать лет спустя сказать на вечеринке что-нибудь вроде: «О, Джимми просто молодец, его освободили из тюрьмы досрочно, и он уже почти бросил наркотики». Нет, все хотят сообщить: «Мой Эмметт, он не только стал мультимиллионером, но еще и защитил диссертацию по микробиологии, а в «Нью-Йорк таймс» недавно написали, что благодаря его последним исследованиям, кажется, найдено лекарство от рака».

Конечно, вышеперечисленное никоим образом не относилось к Лекси и Джереми, и он раздувался от гордости при мысли об этом. Они не были типичными родителями по той простой причине, что зачатие произошло незапланированно. Когда это случилось, никто из них не думал ни о ребенке, ни о следующем шаге в отношениях, поскольку у них еще не было отношений как таковых. Нет, их ребенок вырастет в атмосфере красоты и нежности, он не будет знать эгоизма. Следовательно, они с Лекси лучше других родителей. Джереми подумал, что это окажет неоценимую помощь ребенку, когда речь пойдет о поступлении в Гарвард.

– Ты в порядке? – спросила Лекси. – Молчишь с тех пор, как мы уехали из «Гербса»...

Было уже почти десять вечера. Лекси и Джереми сидели у нее дома – в маленьком старом бунгало, окна которого выходили на сосновый бор. Джереми видел, как за стеклом макушки деревьев качаются от ветра; в лунном свете иглы отливали серебром. Лекси пристроилась у него под мышкой. На столе мерцала свеча и стояла тарелка всякой снеди, которую приготовила для них Дорис.

– Я думал о ребенке, – признался Джереми.

– Правда? – Лекси склонила голову набок.

– Да. А что, ты сомневаешься, что я способен думать о ребенке?

– Нет-нет. Просто мне показалось, ты слегка отключился, пока мы с Дорис болтали. О чем ты думал?

Он притянул ее ближе и задумался, как бы обойти при ответе слово «эгоизм».

– Думал о том, как повезло нашему ребенку, что у него такая мать.

Лекси улыбнулась, а потом взглянула ему в лицо.

– Надеюсь, у нашей дочери будут такие же ямочки на щеках.

– Тебе нравятся мои ямочки?

– Я их обожаю. Но хорошо бы, чтобы при этом у нее были мои глаза.

– А что не так с моими глазами?

– С твоими глазами все в порядке...

– ...но твои красивее, да? Между прочим, мама в восторге от моих глаз.

– Я тоже. Они такие соблазнительные. Но я не хочу, чтобы у нашей дочери были соблазнительные глаза, она еще крошка.

Джереми засмеялся:

– Что еще?

Лекси задумчиво взглянула на него.

– Я хочу, чтобы у нее были мои волосы. Мой нос. И подбородок. – Она заправила прядку за ухо. – И мой лоб.

– Лоб?

Она кивнула.

– У тебя складочка между бровями.

Джереми машинально поднес палец ко лбу, как будто никогда прежде этого не замечал.

– Это оттого, что я хмурюсь, когда задумываюсь. – Он продемонстрировал, как именно. – Видишь? Я сосредоточен. Или ты не хочешь, чтобы наша дочь думала?

– А ты хочешь, чтобы у нашей дочери были морщины?

– Ну... нет. Значит, кроме ямочек, во мне нет ничего хорошего?

– Пускай у нее будут твои уши.

– Уши? Да кто обращает на них внимание?

– Я считаю, что у тебя очаровательные уши.

– Правда?

– Идеальные. Возможно, самые замечательные уши на свете. Вокруг только и разговору, какие у тебя чудесные уши.

Джереми расхохотался.

– Ну хорошо, мои уши и ямочки, твои глаза, нос, подбородок и лоб. Что-нибудь еще?

– Может, хватит? Я бы еще пожелала, чтобы у нашей дочери были мои ноги, но мне страшно подумать, что ты скажешь. Ты сегодня такой чувствительный...

– Вовсе нет. Но думается, от меня можно унаследовать нечто большее, чем уши и ямочки на щеках. А мои ноги... если хочешь знать, они многим вскружили голову.

Лекси хихикнула.

– Ладно, ладно, ты прав. А какие у тебя планы насчет свадьбы?

– Меняешь тему?

– Нам, так или иначе, придется об этом поговорить. Уверена, ты захочешь внести свою лепту.

– Я бы предпочел предоставить все это дело тебе.

– Может, устроим свадьбу возле маяка? Там, где коттедж?

– Я помню.

Джереми знал, что она имеет в виду маяк на мысе Гаттерас, где поженились ее родители.

– Это государственный парк, поэтому потребуется разрешение. Назначим свадьбу на конец весны или начало лета? Не хочу, чтобы на фотографиях был виден мой живот.

– В этом есть определенный смысл. Ты не хочешь, чтобы люди знали, что ты беременна. «Что они скажут?»

Лекси засмеялась:

– Значит, у тебя нет никаких планов?

– В общем, нет. Есть кое-какие планы по поводу мальчишника, но это совсем другое...

Она игриво ткнула его в живот.

– Смотри у меня!..

Успокоившись, Лекси сказала:

– Я рада, что ты здесь.

– Я тоже.

– И когда мы займемся покупкой дома?

Эти внезапные смены тем и интонации в разговоре неизменно напоминали Джереми о том, что вся его жизнь круто изменилась.

– Что-что?

– Нам нужно будет присмотреть дом, как ты понимаешь.

– А я думал, мы останемся жить здесь.

– Здесь? Здесь же нет места. Где, например, ты будешь работать?

– В спальне. – Джереми пожал плечами.

– А девочка? Где она будет спать?

Ах да, ребенок. Просто удивительно, что он на секунду об этом забыл.

– А у тебя есть какие-то предпочтения?

– Я бы предпочла дом с видом на море, если ты не против.

– На море – это здорово.

Лекси мечтательно продолжала:

– Хочу, чтобы там была большая веранда. Пусть у нас будет уютный дом, с просторными комнатами и окнами, в которые светит солнце. И с железной крышей. Ты не жил на свете, если ни разу не слышал, как дождь стучит по крыше. Это самый романтический звук на свете.

– Не имею ничего против романтических звуков.

Она нахмурилась:

– Ты так легкомысленно к этому относишься...

– Не забывай, что последние пятнадцать лет я прожил в городской квартире и привык беспокоиться о других проблемах. Например, о том, работает ли лифт.

– Насколько я помню, в твоём доме он не работал.

– Отсюда можно сделать вывод, что я неприхотлив.

Лекси улыбнулась:

– Что ж, на этой неделе все равно ничего не получится. В библиотеке наверняка скопилось уйма работы. Уйдет немало времени, чтобы со всем разобраться. Но может быть, на выходных...

– Отличная идея.

– А чем ты займешься, пока я буду работать?

– Вероятно, буду обрывать лепестки цветов и скучать по тебе.

– Я серьезно.

– Ну, попытаюсь освоиться и составить нечто вроде расписания. Установлю компьютер и принтер, выясню, есть ли тут скоростной доступ в Интернет. Хочу написать несколько статей вперед – таким образом, освободится время, если вдруг подвернется интересный сюжет. И потом, редактор спит спокойно.

Лекси задумалась и притихла.

– Сомневаюсь, что в «Гринлиф коттеджей» у тебя будет выход в Интернет. Здесь даже нет кабеля.

– А при чем тут это? Я, кажется, недавно провел Интернет прямо сюда.

– Тогда можешь пользоваться библиотекой. А жить в «Гринлиф коттеджей».

– В «Гринлиф коттеджей»?

Лекси выскользнула из-под его руки.

– А где же еще?

– Я думал остаться здесь.

– Со мной?

– Конечно, с тобой. – Джереми удивился.

– Но мы еще не женаты.

– И что?

– Конечно, это старомодно, но в наших краях мужчина и женщина не живут в одном доме, если они не женаты. В городе косо на это посмотрят. Они решат, что мы спим вместе.

Джереми уставился на нее, не пытаясь скрыть изумление.

– Но мы действительно спим вместе! Ты забыла, что беременна?

Лекси улыбнулась:

– Поверь, я-то не вижу никаких преград. И если бы это зависело только от меня, ты бы остался. Конечно, в конце концов все узнают, что я беременна. Здесь все прекрасно понимают, что люди порой ошибаются, и готовы эти ошибки простить, но все-таки жить вместе нам не следует. За глаза соседи будут сплетничать. В городе очень не скоро забудут, что мы «жили во грехе». В течение многих лет именно так о нас и будут говорить. – Она покачала головой и взяла Джереми за руку. – Конечно, я прошу многого, но сделай это ради меня.

Откинувшись на спинку, Джереми вспоминал «Гринлиф коттеджес» – полуразвалившаяся кучка лачуг на болоте, куда можно добраться лишь в резиновых сапогах; жуткий безмолвный Джед; чучела животных в каждом номере. О Боже!..

– Хорошо, – сказал он. – Но... «Гринлиф коттеджес»?

– А где же еще? То есть, если хочешь, у Дорис за домом есть сарай – кажется, даже с душем, – но там не так удобно, как в «Гринлиф коттеджес».

Джереми сглотнул и признался:

– Джед меня пугает.

– Знаю, – отозвалась Лекси. – Когда я бронировала номер, он мне так и сказал, но потом пообещал, что будет обходиться с тобой помягче, ведь теперь ты местный. Хорошая новость: поскольку ты поживешь там какое-то время,

получишь скидку.

– Повезло, – выдавил Джереми.

Она провела пальцем по его лбу.

– Я тебе это компенсирую. Если будешь осторожен, то сможешь навещать меня когда вздумается. И я даже приготовлю тебе ужин.

– Быть осторожным?

Лекси кивнула.

– Ну, не оставлять машину перед дверью или уезжать на рассвете, чтобы никто не заметил.

– Почему я внезапно почувствовал себя шестнадцатилетним подростком, который бежит к подружке тайком от родителей?

– Потому что именно это нас и ожидает. С той лишь разницей, что наши соседи далеко не такие понимающие, как родители. Они гораздо хуже.

– Тогда почему мы здесь поселились?

– Потому что ты меня любишь.

Глава 4

В течение следующего месяца Джереми начал привыкать к жизни в Бун-Крике. В Нью-Йорке первые признаки весны появляются в апреле, но здесь это произошло в самом начале марта. На деревьях набухли почки, холодные утра постепенно сменились прохладными; днем, если не шел дождь, стояла такая теплынь, что можно было ходить в одной рубашке. Лужайки, побуревшие за зиму и сплошь покрытые поникшей травой, начали зеленеть и сделались изумрудными –

одновременно с тем, как расцвели азалии и кизил. В воздухе пахло цветами, хвоей и солью, лишь изредка на синем небе показывалось облачко. К концу марта сам город как будто стал ярче и живее, словно его зимний облик был всего лишь мрачным сном.

Вещи Джереми наконец прибыли и были сложены в сарае у Дорис. Живя в «Гринлиф коттеджес», он порой спрашивал себя, не было бы лучше перебраться туда же. Не то чтобы он не сумел привыкнуть к обществу своего единственного соседа. Джед не перекинулся с ним и парой слов, зато иногда они обменивались записками. Их было нелегко разобрать, и нередко они были чем-то запачканы – видимо, субстанцией, которую он использовал для набивания чучел, – так или иначе, они клеились прямо на дверь, и ни Джеда, ни Джереми не беспокоили остающиеся после этого пятна.

Джереми погрузился в своего рода рутину. Лекси не ошиблась – в «Гринлиф коттеджес» не было никакой возможности получить скоростной доступ в Интернет, но он на скорую руку настроил свой компьютер таким образом, чтобы получать почту и выходить в поисковые системы, хотя на загрузку одной страницы тратилось до пяти минут. С другой стороны, проблемы со скоростью связи давали ему повод большую часть времени проводить в библиотеке. Иногда они с Лекси виделись у нее в кабинете, порой вместе ходили на ленч, но, проведя с Джереми час-полтора, она обычно говорила: «Я бы охотно проболтала с тобой целый день, но у меня полно работы». Джереми смирался и снова уходил в компьютерную комнату (можно сказать, он там прочно обосновался). Его агент, Нат, регулярно звонил, оставлял сообщения, интересовался, нет ли у Джереми каких-нибудь планов и набросков, поскольку «идея с телевидением еще не отпала». Как и большинство агентов, Нат был оптимистом. Джереми, как правило, отвечал, что Нат в любом случае узнает обо всем первым. Он еще не написал ни одной статьи, ни заметки с тех пор, как перебрался на Юг. Вокруг столько всего происходило, что сосредоточиться не было возможности.

Или по крайней мере так он себе внушал. То есть у него была пара идей, но толку выходило немного. Как только Джереми пытался взяться за дело, мозги у него будто превращались в кашу, а пальцы сводило артритом. Он записывал несколько фраз, перечитывал их в течение двадцати минут и наконец стирал. Целые дни Джереми проводил, перечитывая и стирая. Иногда он начинал подозревать, что компьютер взбунтовался против него, но затем вспоминал, что просто голова сейчас занята более важными делами.

Например, Лекси. И свадьба. И ребенок. И конечно, мальчишник. Элвин пытался установить дату свадьбы с тех самых пор, как Джереми уехал, но организация праздника на мысе Гаттерас зависела от природоохранного департамента. Несмотря на бесконечные напоминания Лекси, Джереми не в состоянии был найти человека, который мог бы помочь. В конце концов он сказал другу, что мальчишник состоится в последние выходные апреля, решив: «Чем раньше, тем лучше». Элвин повесил трубку с возбужденным смешком, пообещав, что этой вечеринки Джереми не забудет.

Тот подумал, что многого и не потребуется. По мере того как Джереми привыкал к Бун-Крику, он осознавал, что скучает по мегаполису. Разумеется, он смирился с этим еще до переезда, но все-таки его по-прежнему удивляло то, что в Бун-Крике нечем заняться. В Нью-Йорке можно выйти из дома, пройти два квартала в любом направлении и увидеть рекламу кино – все, что угодно, начиная от новейшего боевика и заканчивая какой-нибудь претенциозной французской лентой. В Бун-Крике вообще не было кинотеатра, а ближайший – в Вашингтоне – располагал всего тремя экранами, на одном из которых непрерывно показывали диснеевские мультики. В Нью-Йорке то и дело открывается новый ресторан, где можно заказать еду под стать настроению – от вьетнамских и итальянских блюд до греческих и эфиопских. В Бун-Крике «ужин в городе» означал либо пиццу в картонной коробке, либо «домашнюю кухню» в закусочной у Неда, где вечно пахнет жареным и так душно, что перед уходом приходится вытирать лоб салфеткой. Джереми слышал, как посетители у стойки беседуют о наилучшем способе процеживать жир от жарки, чтобы добиться максимального «аромата», и о том, сколько свиного сала добавлять к капусте, прежде чем залить это блюдо маслом. Только южане знают, как сделать овощи вредными для здоровья.

Джереми решил, что он просто ворчун. Но если нет ресторанов и кино, чем заняться молодой паре? Даже если захочешь прогуляться по городу, уже через несколько минут ходьбы в любом направлении придется поворачивать обратно. Лекси не видела в этом ничего необычного и была рада посидеть после работы на крыльце, попивая сладкий чай или лимонад и обмениваясь приветствиями с соседями. А если соберется гроза, очередной потрясающе интересный вечер закончится опять-таки сидением на крыльце. Чтобы Джереми не разочаровался окончательно, Лекси уверила его: «Летом вокруг будет столько светлячков, что ты сразу вспомнишь Рождество». «Не могу дождаться», – со вздохом отозвался он.

С другой стороны, Джереми наконец достиг очень важного рубежа – купил машину. Назовите это «мужскими заморочками», но, как только он осознал, что переезжает в Бун-Крик, машина стала его большой мечтой. Он не напрасно все эти годы копил деньги. Статья о будущем Интернета дала ему как автору счастливую возможность приобрести акции Yahoo и AOL и неплохо на них заработать, прежде чем перевести часть бумаг в наличные. Он рисовал себе каждый этап – вот он листает автомобильный журнал, вот расхаживает по стоянке, садится за руль, вдыхает пресловутый аромат новой машины... Бесчисленное количество раз Джереми жалел о том, что живет в Нью-Йорке, поскольку в большом городе автомобиль, как правило, не нужен. Он мечтал забраться в спортивный двухместный автомобиль с откидным верхом и прокатиться по тихой проселочной дороге. Тем утром, когда они с Лекси должны были отправиться в автосалон, Джереми то и дело улыбался, воображая, как он сядет за руль машины своей мечты.

Чего Джереми совершенно не ожидал, так это реакции Лекси, когда он влюбленно взглянул на спортивный автомобиль и провел рукой по его изящным изгибам.

– Как тебе? – поинтересовался Джереми.

Он знал, что Лекси не сможет устоять.

Та в замешательстве взглянула на машину.

– А куда же здесь ставить детское креслице?

– Ребенка можно возить в твоей машине, – предложил Джереми. – А эта крошка для нас двоих. Чтобы сгонять на пляж, в горы, в Вашингтон на выходные и так далее.

– Сомневаюсь, что моя машина протянет долго. Может, лучше приобрести то, что подойдет для всей семьи?

– Что, например?

– Скажем, мини-вэн.

Джереми хлопнул глазами.

– Ни за что! Я ждал тридцать семь лет не ради того, чтобы купить мини-вэн.

– Как насчет красивого седана?

– Его водит мой отец. Я еще слишком молод для того, чтобы покупать седан.

– Тогда внедорожник. Спортивно и практично. Можно ездить в горы...

Джереми попытался представить, как он будет выглядеть за рулем внедорожника, и покачал головой.

– Такие машины обычно покупают домохозяйки, живущие в пригороде. И кроме того, они загрязняют среду сильнее, чем обычные машины. А меня беспокоит экология. – Он приложил ладонь к груди для пущей выразительности.

Лекси задумалась.

– Что же тогда нам остается?

– То, что я предложил с самого начала, – с нажимом сказал Джереми. – Вообрази, как чудесно это будет, – скоростное шоссе, ветер в волосах...

Она засмеялась:

– Совсем как в рекламе. Поверь, я не сомневаюсь, что это прекрасно. Мне очень нравятся такие машинки. Но признай, она не очень практична.

Джереми наблюдал за будущей женой; при мысли о том, что придется проститься с мечтой, у него пересохло во рту. Лекси, конечно, была права. Джереми переступил с ноги на ногу.

– А что бы выбрала ты?

– Мне кажется, для семьи подойдет вот такая, – сказала Лекси, указывая на четырехдверный седан. – В «Консьюмер репортс» ее особо отметили за безопасность. Гарантированный пробег – семьдесят тысяч миль.

Экономично. Разумно. Ответственно. Лекси все учла, признал Джереми, но тем не менее сердце у него сжалось, когда он увидел седан. С тем же успехом этот автомобиль мог быть обшит деревянными панелями – впечатление не изменилось бы.

Увидев выражение лица Джереми, Лекси закинула обе руки ему на шею.

– Я понимаю – скорее всего ты мечтал не о нем, но давай в таком случае купим ярко-красный.

Он изогнул бровь:

– С нарисованными на капоте языками пламени?

Лекси засмеялась:

– Если тебе так хочется...

– Нет. Просто интересно, как далеко я могу зайти.

Она поцеловала его.

– Спасибо. Не сомневаюсь, за рулем этой машины ты будешь выглядеть очень сексуально.

– И буду похож на своего отца.

– Нет, – возразила Лекси. – Ты будешь похож на отца нашего ребенка и заткнешь за пояс всех мужчин на свете.

Джереми улыбнулся, догадавшись, что она пытается поднять ему настроение. И все-таки через час, подписывая документы на машину, он тяжело вздохнул.

Не считая легкого разочарования, которое Джереми испытывал каждый раз, когда садился за руль, жизнь была не так уж плоха. Поскольку он не писал, свободного времени оказалась масса – куда больше, нежели он привык. В течение многих лет Джереми ездил по всему свету в поисках сюжетов и занимался чем угодно, начиная от гималайского снежного человека и заканчивая Туринской плащаницей. Он раскрывал мошенничества и фальсификации, а в промежутках писал статьи, разоблачающие мнимых экстрасенсов и целителей. При этом ему еще удавалось выкраивать время на то, чтобы ежегодно выдавать двенадцать материалов. Это была жизнь под постоянным напряжением, иногда увлекательная, но чаще утомительная. Когда Джереми был женат на Марии, разъезды стали источником конфликтов; жена просила его бросить «бродяжничество» и найти работу в каком-нибудь из крупнейших нью-йоркских журналов – работу со стабильной зарплатой. Джереми не отнесся к ее просьбе всерьез, но теперь порой задумывался, не зря ли он так поступил. Постоянное желание найти и открыть преследовало его и в других сферах жизни. Многие годы он испытывал постоянную потребность делать что-нибудь – что угодно – каждую секунду; Джереми не мог усидеть на месте несколько минут, поскольку всегда находилось то, что нужно было прочесть, изучить или написать. Понемногу он понял, что утратил способность отдыхать, и в итоге целые месяцы и годы его жизни сливались, не отличаясь один от другого.

Месяц в Бун-Крике, пусть и тоскливый, неожиданно освежил его. Здесь было просто нечем заняться. Но разве посетует на это человек, который на протяжении последних пятнадцати лет жил в бешеном ритме? Получилось нечто вроде незапланированного отпуска, во время которого Джереми чувствовал себя отдохнувшим как никогда. Впервые за целую вечность он сам выбирал для себя темп жизни, а не наоборот. Он решил, что скучать – это недооцененная форма искусства.

Особенно ему нравилось скучать в обществе Лекси. Не только сидеть на крыльце, но и, например, смотреть баскетбол в обнимку. Это было так уютно, Джереми наслаждался тихими разговорами за ужином и теплом ее тела, когда они сидели рядом на вершине Райкерс-Хилл. Он ожидал этих незамысловатых развлечений с энтузиазмом, который удивлял его самого, но больше всего Джереми радовали те утра, когда они ночевали у Лекси, а потом медленно просыпались. Это была запретная радость – Лекси сама заезжала за ним в «Гринлиф коттеджес» после работы, чтобы его машину не заметили возле дома

любопытные соседи, – но, так или иначе, тайна придавала остроту ощущениям. Проснувшись, они завтракали и читали газету за маленьким кухонным столом. Чаще всего Лекси выходила к завтраку в пижаме и мохнатых шлепанцах, растрепанная, с припухшими после сна глазами. Но когда сквозь жалюзи пробивалось солнце, Джереми убеждался, что она – самая прекрасная женщина на свете.

Иногда Лекси замечала, как он смотрит на нее, и брала Джереми за руку. Тот снова погружался в чтение; так они сидели, держась за руки, затерянные в собственных мирах, и Джереми удивлялся: возможно ли большее счастье?

Потом они вместе ездили выбирать дом; поскольку Лекси отчетливо представляла себе, что именно она хочет, а выбор в Бун-Крике был небольшим, Джереми решил, что через пару дней все закончится. Если повезет, даже сегодня вечером.

Он ошибся. По каким-то неведомым причинам они потратили три долгих недели, зайдя в каждый выставленный на продажу дом как минимум дважды. Джереми эти походы угнетали. Расхаживая по чужим домам, он чувствовал себя прокурором, выносящим приговор, причем нередко суровый. Город сам по себе был исторической достопримечательностью, и дома снаружи казались очаровательными, но стоило зайти внутрь, как неизбежно наступало разочарование. В половине случаев это было все равно что вернуться в прошлое – например, в семидесятые годы. Джереми не видел столько мохнатых бежевых ковров, оранжевых обоев и ярко-зеленых кухонных раковин со времен выхода на экран «Семейки Брэди»[3 - «Семейка Брэди» – популярный в 70-х годах американский телесериал.]. Иногда в домах витали странные запахи, от которых Джереми мутило, – пахло нафталином, кошачьим туалетом, грязными подгузниками или заплесневелым хлебом; чаще всего одного взгляда на мебель было достаточно, чтобы отрицательно покачать головой. Он прожил тридцать семь лет и даже не подозревал, что кресло-качалка может стоять в гостиной, а кушетка – на веранде. Но в конце концов Джереми многому учился заново.

Были бесчисленные поводы сказать «нет», но даже если что-нибудь вдруг поражало их воображение и побуждало согласиться, оно зачастую оказывалось не менее нелепым.

– Смотри-ка, – восклицал Джереми, – в этом доме есть фотолаборатория!

– Но ты ведь не фотограф, – возражала Лекси. – Тебе не нужна эта комната!

– Да, но я мог бы заняться фотографией!

Или:

– Мне нравятся высокие потолки, – говорила она. – Я всегда мечтала о спальне с высокими потолками.

– Зато сама спальня крошечная. В нее едва влезет кровать.

– Вижу. Но посмотри, какие здесь высокие потолки!

Наконец они нашли дом. Точнее, дом, который понравился Лекси, – Джереми по-прежнему был не уверен. Двухэтажный кирпичный коттедж георгианской постройки[4 - Король Георг V правил с 1910 по 1936 год.], с верандой, выходившей на Бун-Крик, и вполне приемлемой планировкой комнат. Его выставили на продажу два года назад, и это была весьма выгодная сделка – а по нью-йоркским стандартам тем более, – хотя дом необходимо было отремонтировать. Когда Лекси предложила пройтись по нему в третий раз, даже миссис Рейнольдс, риелтор, поняла – наживка проглочена и рыбка на крючке. Худая, седоволосая, она с улыбкой на мышином личике завершила Джереми, что ремонт обойдется не дороже, чем стоимость самого приобретения.

– Великолепно, – ответил тот, мысленно подсчитывая, хватит ли у него денег на счету.

– Не беспокойтесь, – добавила миссис Рейнольдс. – Этот дом идеально подходит для молодой семьи, особенно если вы собираетесь заводить детей. Такие дома попадаются не каждый день.

И впрямь, подумал Джереми. Непонятно, отчего за два года никто на него не позарился?..

Он уже собирался сострить, когда заметил, что Лекси движется к лестнице.

– Можно еще разок подняться наверх? – спросила она.

Миссис Рейнольдс обернулась к ней с улыбкой, вспомнив о своей миссии.

– Конечно, дорогая. Я вас провожу. Кстати, не собираетесь ли вы и в самом деле заводить детей? Если да, непременно осмотрите чердак. Из него может получиться замечательная комната для игр.

Наблюдая за тем, как она ведет Лекси наверх, Джереми задумался: может быть, миссис Рейнольдс каким-то образом догадалась, что они уже миновали стадию размышлений?

Вряд ли. Лекси по-прежнему хранила беременность в тайне и собиралась помалкивать по крайней мере до свадьбы. Знала только Дорис – с этим можно было смириться, хотя в последнее время Лекси частенько втягивала Джереми в странные разговоры, которые ей скорее подобало вести с подружками. Например, сидя на крыльце, она внезапно поворачивалась к нему со словами: «Представляешь, шейка матки у меня растянется на целых десять сантиметров!»

С тех пор как Лекси начала читать книги о беременности, Джереми слишком часто доводилось слышать слова вроде «плаценты», «пуповины» и «кровоизлияния». Если она упоминала о том, что от кормления грудью у нее будут болеть соски, он выскакивал из комнаты. Как большинство мужчин, Джереми имел самое слабое представление о том, как формируется ребенок в утробе матери, и не питал к этому никакого интереса. Куда сильнее его удивлял тот специфический акт, который положил всему начало. О нем он был бы не прочь поговорить, особенно с бокалом вина и при свечах.

Дело в том, что Лекси роняла эти слова, как будто читала список ингредиентов на коробке с хлопьями, и, вместо того чтобы радостно предвкушать великое событие, от подобных бесед Джереми ощущал тошноту.

Не считая этого, он ликовал. Было нечто восхитительное в том, что Лекси носит его ребенка. Джереми испытывал гордость при мысли о том, что внес свою лепту в продолжение рода человеческого и создал новую жизнь, – нередко он даже жалел о том, что Лекси попросила его хранить молчание.

Задумавшись, он не сразу заметил, что Лекси и миссис Рейнольдс спускаются.

– Прекрасный дом! – сияя, сказала Лекси и взяла Джереми за руку. – Мы можем его купить?

Тот ощутил прилив радости, пусть даже и понимал, что придется продать изрядную долю ценных бумаг, чтобы заключить сделку.

– Когда тебе угодно, – ответил Джереми, надеясь, что Лекси оценит его благородство.

Вечером они подписали все бумаги; на следующее утро хозяева дали свое согласие. По иронии судьбы, вступить во владение домом предстояло двадцать восьмого апреля – в тот самый день, когда Джереми собирался отправиться в Нью-Йорк на мальчишник. Лишь потом ему пришло в голову, что за последний месяц он стал другим человеком.

Глава 5

– Ты еще не договорился насчет свадьбы на маяке? – спросила Лекси.

Это было в конце марта; они вместе направлялись к машине.

– Я пытался, – ответил он. – Но ты даже не представляешь, что такое общаться с чиновниками. Одни не хотят с тобой говорить, пока ты не заполнишь анкету, а другие вечно в отпуске. Я даже не понимаю, что мне вообще нужно сделать.

Она покачала головой.

– К тому времени, когда ты обо всем договоришься, будет уже июнь.

– Что-нибудь придумаю, – пообещал Джереми.

– Не сомневаюсь. Но я бы предпочла не выставлять беременность напоказ. Уже почти апрель. Вряд ли я смогу продержаться до июля. Брюки мне тесны, и задница стала толще.

ДжерEMI помедлил, понимая, что это – минное поле, куда лучше не ступать. В последние несколько дней подобные разговоры начинались все чаще. Сказать правду («Да, задница у тебя стала толще, потому что ты беременна!») означало ночевать в «Гринлиф коттеджес» целую неделю.

– По-моему, ты выглядишь абсолютно как всегда, – солгал ДжерEMI.

Лекси задумчиво кивнула и предложила:

– Поговори с мэром Геркином.

Он взглянул на нее, стараясь сохранять невозмутимое выражение лица.

– О том, что задница у тебя стала толще?

– Нет! Насчет маяка. Уверена, он сможет помочь.

Они прошли еще несколько шагов, а потом Лекси игриво ткнула его плечом.

– Она ведь не стала толще, правда?

– Конечно, нет.

* * *

Как обычно, по пути домой нужно было остановиться и проверить, как продвигается ремонт.

Хотя официально дом переходил к ним только в конце апреля, владелец, который получил дом по наследству, но жил в другом штате, охотно позволил им начать работы, и Лекси с удовольствием взялась за дело. Именно она контролировала процесс, поскольку знала всех плотников, сантехников,

кровельщиков, маляров и электриков в городе и прекрасно представляла себе итоговый результат. Обязанности Джереми свелись к выписыванию чеков – это была честная сделка, учитывая то, что он не горел желанием нести ответственность за ремонт.

Пусть он не вполне понимал, чего ожидать, но уж точно не этого. На минувшей неделе в доме работали целые бригады. Джереми восхищался тем, что было сделано в первый же день, – кухню отчистили от старой краски, на лужайке сложили кровельные дранки, ковровое покрытие убрали, большую часть рам вынули. По всему дому валялись груды мусора; но с тех пор, кажется, рабочие были заняты лишь перемещением этих груд с места на место. Когда бы Джереми ни заехал, чтобы понаблюдать за процессом, никто не работал. Люди распивали кофе или курили на заднем крыльце, работа не двигалась. Насколько Джереми мог судить, они вечно ждали то прибытия фургона, то возвращения подрядчика либо устраивали перекур. Разумеется, почти все рабочие получали почасовую оплату, и Джереми неизменно ощущал приступ финансовой паники, когда возвращался в «Гринлиф коттеджес».

Лекси тем не менее была рада и замечала то, чего не замечал Джереми.

– Ты видел, что они начали прокладывать проводку наверху?

Или:

– О, они вделывают трубы в стену, можно будет поставить раковину под окном.

Обычно Джереми кивал в знак согласия:

– Знаю.

Не считая чеков подрядчику, он ничего не писал; но, с другой стороны, Джереми полагал, что причина ему ясна. Виной тому был не недостаток информации, а ее избыток. Многие изменилось – не только самоочевидные вещи, но и мелочи. Например, его взгляды на то, как одеваться. Джереми всегда считал, что у него врожденное чувство стиля, притом с отчетливым нью-йоркским акцентом, и в прошлом многочисленные подружки нередко делали ему комплименты по поводу внешности. Он долгое время был подписан на «Джентльменс квотерли», предпочитал ботинки от «Бруно Магли» и элегантные итальянские рубашки. Но у

Лекси, видимо, было свое мнение; судя по всему, она хотела полностью изменить Джереми. Два дня назад будущая жена вручила ему сверток. Джереми был тронут ее заботой... а потом открыл подарок.

Внутри оказалась клетчатая рубашка. Клетчатая. Такие носят лесорубы. А еще – джинсы.

– Спасибо, – выдавил он.

Лекси взглянула на него.

– Тебе не нравится?

– Нет-нет... нравится, – солгал он, не желая ее расстраивать. – Очень мило.

– А по-моему, что-то не так.

– Все в порядке.

– Я просто подумала – у тебя в шкафу должно быть что-нибудь такое, что поможет тебе сойтись с ребятами.

– Какими ребятами?

– Ну, местными парнями. На тот случай, если... ну, я не знаю... если ты захочешь поиграть в покер, или отправиться на охоту, или порыбачить.

– Я не играю в покер. Не охочусь и не рыбачу.

«И друзей у меня тоже нет», – вдруг подумал Джереми. Удивительно, что до сих пор он этого даже не замечал.

– Знаю, – ответила Лекси. – Но может быть, однажды ты решишь развлечься. Например, раз в неделю ребята собираются у Родни поиграть в покер. А Джек – самый замечательный охотник в округе.

– Родни и Джед? – переспросил Джереми, тщетно стараясь представить себе времяпрепровождение с кем-то из этой парочки.

– А что не так с Родни и Джедом?

– Джед меня не любит. И Родни, кажется, тоже.

– Чушь. С чего бы им тебя не любить? Знаешь что – поговори завтра с Дорис. Наверняка у нее будут идеи получше.

– Покер с Родни? Охота с Джедом? Я заплачу, чтобы это увидеть! – заорал в трубку Элвин.

Поскольку Элвин снимал на камеру загадочные огни на кладбище, он прекрасно помнил, о ком идет речь, и живо представил себе обоих. Родни сунул его за решетку по вымышленному обвинению, после того как Элвин вздумал заигрывать с Рейчел в «Эй, я тебя люблю!». А Джед пугал его ничуть не меньше, чем Джереми.

– Представляю себе... ты крадешься по лесу в своих ботинках «Гуччи» и клетчатой рубашке.

– От «Бруно Магли», – поправил Джереми. Он сидел в номере в «Гринлиф коттеджес» и размышлял о том, что у него действительно нет друзей.

– Какая разница? – Элвин снова засмеялся. – Великолепно! Горожанин превратился в провинциала, и все из-за этой малышки. Обязательно предупреди, когда соберешься на охоту. Я специально приеду с камерой и запечатлею тебя для потомства.

– Все в порядке, – отозвался Джереми. – Я справлюсь.

– А знаешь, она права. Тебе действительно нужно завести друзей. Кстати, помнишь ту девчонку, с которой я познакомился?

– Рейчел?

– Ну да, точно. Ты ее видишь?

– Иногда. Поскольку она подружка невесты, ты тоже с ней увидишься.

– И как она поживает?

– Веришь ли, она встречается с Родни.

– С этой горой мускулов? Могла бы выбрать кого-нибудь получше. Впрочем, у меня есть идея. Вы с Лекси могли бы устроить двойное свидание. Поужинать в «Гербсе», посидеть на крылечке...

Джереми рассмеялся:

– Ты говоришь так, будто прожил здесь сто лет. Знаешь все местные развлечения.

– Да, я такой. Умею приспособиться. Если увидишь Рейчел, передай привет и скажи, что я с нетерпением жду встречи.

– Обязательно.

– Как там твоя работа? Держу пари, тебе не терпится написать очередную статью.

Джереми поерзал.

– Хотелось бы мне, чтоб это было так...

– Ты не пишешь?

– Ни слова с тех пор, как переехал, – признался он. – У меня нет ни одной свободной минуты в промежутках между подготовкой к свадьбе, ремонтом и Лекси.

Наступила тишина.

– Подожди, я не понял. Ты вообще не пишешь? Даже для своего журнала?

– Да.

– Но ты ведь любишь писать.

– Да. И непременно возьмусь за дело, как только все уляжется.

– Ну ладно... – произнес Элвин с ощутимой долей скепсиса. – Теперь о том, что касается мальчишника... будет нечто потрясающее. Я оповестил всех. Обещаю, этой вечеринки ты никогда не забудешь.

– Только учти, никаких танцовщиц. И девочек в нижнем белье, выпрыгивающих из торта.

– Да брось, такова традиция.

– Элвин, я серьезно. Я влюблен, не забывай.

– Лекси беспокоится о тебе, – сказала Дорис.

Они вместе завтракали в «Гербсе». Большая часть утренних посетителей уже разошлась, в ресторане было почти пусто. Как обычно, Дорис настояла на том, чтобы накормить Джереми; при встрече она неизменно заявляла, что будущий зять просто «кожа да кости», и сегодня он с удовольствием поглощал сандвич с курицей.

– Не о чем беспокоиться, – возразил он. – У меня много дел, только и всего.

– Лекси это понимает. Но она хочет, чтобы ты чувствовал себя как дома. И был здесь счастлив.

– Я счастлив.

– Ты счастлив, потому что с тобой Лекси. Но пойми, в глубине души она мечтает, чтобы ты относился к Бун-Крику так же, как она. Лекси не хочет, чтобы ты оставался здесь только ради нее. Она хочет, чтобы ты жил в Бун-Крике, потому что у тебя здесь друзья. Потому что здесь твой дом. Она понимает, какая жертва с твоей стороны уехать из Нью-Йорка, но если ты будешь так на это смотреть...

– Поверьте, если я буду так на это смотреть, Лекси узнает первой. Но... Родни и Джед?

– Хочешь верь, хочешь нет, они славные парни, если узнать их поближе. Джед рассказывает самые смешные анекдоты из всех, что мне доводилось слышать. Конечно, если ты не любишь отдыхать, как они, тогда, вероятно, Джед и Родни действительно тебе не компания... – Она задумчиво поднесла палец к губам. – А чем вы с друзьями занимались в Нью-Йорке?

Болтались по барам и флиртовали с женщинами, подумал Джереми.

– Ну... чем обычно занимаются мужчины, – проговорил он. – Ходили на футбол, играли в бильярд. В основном просто проводили время в городе. Я уверен, что заведу друзей в Бун-Крике. Просто сейчас я слишком занят.

Дорис задумалась.

– Лекси говорит, ты бросил писать.

– Да.

– Это из-за...

– Нет-нет. – Джереми покачал головой. – Это никак не связано с моим отношением к Бун-Крику или с чем-то подобным. Писательство не похоже на прочие профессии. Нельзя просто сесть и писать. Главное здесь – вдохновение и идеи, а иногда... ну, человек не ощущает вдохновения. Хотел бы я испытывать его каждый раз, когда нужно, но увы. Впрочем, если я чему-нибудь и научился за пятнадцать лет, так это тому, что в конце концов вдохновение приходит.

– У тебя нет идей?

– Оригинальных нет. Каждый раз, когда мне что-нибудь приходит в голову, я вспоминаю, что уже писал об этом. И как правило, не раз.

– Может быть, тебе пригодится моя тетрадь? – спросила Дорис. – Ты в это не веришь, но мог бы, например... написать статью по материалам своего расследования.

Она имела в виду тетрадь, которую вела в связи со своей предполагаемой способностью предсказывать пол ребенка. На страницах стояли десятки имен и дат, включая предсказание насчет рождения Лекси.

Честно говоря, Джереми размышлял об этом. Дорис дважды делала ему такое предложение, и в первый раз он отказался, поскольку считал ее способности выдумкой, а во второй – потому что не хотел, чтобы его скепсис поселил разлад между ними. Дорис предстояло стать частью его семьи.

– Не знаю...

– Вот что я тебе скажу. Можешь решить позже, когда прочитаешь. И не беспокойся – я уж как-нибудь переживу «звездную болезнь», если в итоге ты обо мне напишешь. Тебе не о чем волноваться. Я останусь той же самой очаровательной женщиной, какой была всегда. Тетрадь у меня в кабинете. Подожди здесь.

Прежде чем Джереми успел возразить, Дорис встала и направилась на кухню. Вскоре со скрипом отворилась входная дверь, и он увидел мэра Геркина.

– Мальчик мой! – воскликнул тот и похлопал Джереми по спине. – Не ожидал тебя здесь увидеть. Я-то думал, ты берешь пробы воды и пытаешься разгадать нашу последнюю тайну.

Ах да, сомы.

– Вынужден вас разочаровать, господин мэр. Как поживаете?

– Неплохо, неплохо. Очень занят. Жизнь в городе не останавливается. Всегда уйма дел. Почти не спал в последнее время, но можешь не беспокоиться о моем

здоровье. Мне нужно не более двух-трех часов сна, с тех пор как лет десять назад меня чуть не убило током от кондиционера. Вода и электричество, знаешь ли, несовместимы.

– Да, я слышал об этом, – ответил Джереми. – Послушайте, я рад, что встретил вас. Лекси просила поговорить с вами о свадьбе.

Геркин поднял брови.

– Вы подумали над моим предложением и решили устроить праздник для всего города? С приглашением губернатора?

– Нет-нет. Лекси хочет, чтобы церемония прошла возле маяка на мысе Гаттерас, а я никак не могу получить разрешение. Не могли бы вы помочь?

Мэр Геркин задумался, потом присвистнул.

– Это непросто. – Он покачал головой. – Общение с властями – дело хитрое. Все равно что идти по минному полю. Нужно найти человека, который знает дорогу.

– Именно поэтому нам нужна ваша помощь.

– Я бы рад, но сейчас у меня дел по горло с организацией летнего праздника Цапли. В наших краях это значительное событие – даже важнее, чем экскурсия по историческим домам. Мы устраиваем аттракционы для детей, ставим торговые палатки вдоль главной улицы, проводим парад и все такое. Короче говоря, маршалом парада должна была стать Мирна Джексон из Саванны, но она только что позвонила и сказала, что не сможет приехать из-за мужа. Знаешь Мирну Джексон?

Джереми попытался вспомнить.

– Кажется, нет.

– Она известный фотограф.

– Простите, не помню.

– Знаменитая женщина эта Мирна, – продолжал Геркин, пропустив слова Джереми мимо ушей. – Наверное, самый известный фотограф на Юге. У нее удивительные работы. Она провела лето в Бун-Крике, когда была девочкой. Нам страшно повезло, что Мирна согласилась приехать. И представляешь, у ее мужа обнаружили рак. Конечно, это ужасно, и мы будем за него молиться, но в итоге у нас все пошло кувырком. Сроки поджимают, а на то, чтобы найти нового маршала, понадобится какое-то время. Мне придется провести немало часов на телефоне, чтобы кого-нибудь уговорить. Какую-нибудь знаменитость. Как скверно, что у меня нет связей в мире знаменитостей. За исключением вас, разумеется.

Джереми уставился на мэра.

– Вы хотите, чтобы я был маршалом?

– Нет, конечно. Ты и так уже получил ключ от города. Нам нужен человек, чье имя у всех на слуху. – Он покачал головой. – Хотя здесь такая красота, что дух захватывает, и люди просто замечательные, не так уж просто заполучить в Бун-Крик человека из мегаполиса. Честно говоря, я вовсе не рвусь этим заниматься – учитывая то, сколько всего еще нужно сделать к празднику. А вдобавок общаться с типами из департамента... – Он не договорил, как будто даже помыслить о таком не хватило сил.

Джереми прекрасно понимал, чего добивается мэр. Геркин заставлял людей делать то, что ему было нужно, и при этом внушал каждому, что это его собственная идея. Очевидно, он намекал, что Джереми должен заняться проблемой с маршалом в обмен на разрешение – вопрос заключался лишь в том, согласится ли тот подыграть. Честно говоря, Джереми не хотел в это влезать, но ведь они так и не условились насчет даты свадьбы...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Джонни Кэш (1932–2003) – известный американский певец, исполнитель песен в стиле кантри, благодаря своему стилю в одежде заслуживший прозвище «Человек в черном». – Здесь и далее примеч. пер.

2

«Лига плюща» – объединение восьми старейших и наиболее привилегированных частных колледжей и университетов, расположенных на северо-востоке США.

3

«Семейка Брэди» – популярный в 70-х годах американский телесериал.

4

Король Георг V правил с 1910 по 1936 год.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nikolas-sparks/s-pervogo-vzglyada>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)